

ПОЛЮБОВНАЯ

С Д В А К А

ПОВѢСТЬ БАЛЬЗАКА.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРЕЧА.

1833.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

С. Петербургъ, Сентября 13 дня 1833 года.

Ценсоръ В. Семеновъ.

ПОЛЮБОВНАЯ СДѢЛКА.

(Посв. А. Д. Иллчевскому.)

§ I.

К О Н Т О Р А А Д В О К А Т А .

— »Вопъ еще плещется какая-то шинелишка!« сказалъ конпорскій писецъ, и скапавъ изъ хлѣба шарикъ, бросилъ его въ шляпу незнакомца, проходившаго чрезъ дворъ дома Вивьенской улицы, гдѣ жилъ Адвокатъ Г. Дервиль.

— »Нашъ начальникъ только что легъ и никого не приметъ!« — отвѣчалъ старшій писецъ, оканчивая спать въ расходную книгу.

— »Какъ бы подшупишь надъ эпимъ Вандадомъ?« сказалъ попихоньку третій писецъ, оспановясь на самомъ велерѣчивомъ мѣспѣ импровизируемой имъ просьбы, которую онъ писалъ и диктовалъ премо новичкамъ провинціаламъ, опредѣлившимся въ конпору Адвоката.

Пробило девять часовъ. Импрровизаторъ продолжалъ:

.... По глубокой мудрости своей, Его Величество Лудовикъ XVIII, пріявъ бразды правленія, поспигъ.... (Что же онъ поспигъ?)

. . . высокое назначеніе своего царствованія, загладилъ несчастія своихъ вѣрноподданныхъ, возстановивъ права на непроданныя ихъ имущества знаменимымъ и правосуднымъ повелѣніемъ, изданнымъ....

— »Погодите,« сказалъ онъ писавшимъ: »кончилась страница....«

— »Ну!« прибавилъ потомъ, послюнивъ палець, чшобъ перевернуть полстѣйшій листъ гербовой бумаги »что жъ вы придумали? . . . «

— »Сказать ему,« отвѣчалъ четвертый писецъ: »что Г. Адвокатъ принимаетъ просимелей ночью опъ двухъ до трехъ часовъ... Посмотримъ, прійдетъ ли тогда эшотъ спаришка!«

Третій писецъ снова спалъ продолжая нашу чашую фразу:

— »Изданному, ну что, написали?«

— »Написали.«

Дикповка, болшанье и злой умыселъ происходили въ одно и то же время.

— »Изданному.... а котораго года и мѣсяца?«

— »Юня 1814-го!« отвѣчалъ первый писецъ, не оставляя своего занятія.

Три удара въ дверь прервали продолженіе высокопарной просьбы; шестъ кудрявыхъ писцовъ, оскаливъ зубы, съ живымъ, насмѣшливымъ взглядомъ, уставили глаза въ дверь и закричали всѣ вмѣстѣ:

— »Войдите!«

Одинъ лишь спаршій между ними спдѣль, упкнувъ лице въ кипы бумагъ, называемыхъ въ приказномъ нарѣчїи *шпаргалами*, и обработывалъ свое дѣло.

Контору составляла большая комната съ спаринною печью, коей всѣ углубленія наполнены были произведеніями крючкотворства; желѣзныя прубы, діагонально пересѣкавшія комнату, соединялись съ каминомъ, на которомъ лежали куски хлѣба, сыра, коплеты, спояли рюмки, бутылки и чашка съ шоколадомъ спаршаго писца.

Испареніе опъ кушанья, смѣшавшись съ чадомъ черезъ-чуръ напощенной печки и особеннымъ запахомъ опъ вѣпхихъ бумагъ, составляло такую атмосферу, которую не могла бы заглушить и пахучая виверра. Полъ успланъ былъ грязью и снѣгомъ, напасканнымъ писцами.

Младшій изъ нихъ запивалъ свою закуску свѣжимъ воздухомъ, входившимъ въ отворенную форпочку, и опдыхалъ споя, подобно ломовой лошади.

У окна находился письменный столъ Адво-

капа, а рядомъ стоялъ назначенный для его помощника.

Украшеніемъ конторы были полныя объявленія о наложеніи запрещеній на недвижимыя имѣнія, о продажахъ и п. п. Свѣтъ едва проникалъ сквозь запачканныя стекла, и вообще въ Парижѣ мало такихъ конторъ, гдѣ бы въ Февралѣ можно было чпшать безъ свѣчки; короче, описываемая пеперь была мрачна, неопрятна, и вселяла непріятныя чувства въ просителя. Если бъ не существовало лоскупныхъ рядовъ, контора Адвоката была бы въ нашъ вѣкъ самою ужасною чертою мѣстности. Адвокаты не слѣдовали за успѣхами вводимой опрятности, и комнаты ихъ занятій остались грязны, какъ цирюльни; правда, и памъ также просителей брѣютъ и кровь имъ пускаютъ.

— »Гдѣ мой ножикъ?«

— »Что за вздоръ! — Я завтракаю.«

— »Перестаньте, госнода!«

Сіи различныя восклицанія вырвались въ мину, когда вошедшій старикъ въ шинели, затворивъ дверь, съ почтительностію искалъ признаковъ вѣжливости на неумолимыхъ и равнодушныхъ лицахъ шести писцовъ; вѣроятно по привычкѣ понимая людей, онъ униженно обратился къ одному изъ нихъ, надѣясь возбудить чрезъ то его состраданіе.

— »Смѣю спросить, можно ли видѣть вашего начальника?«

Симонень, злой мальчишка, вмѣсто отвѣ-

па, указавъ лѣвою рукою на ухо, какъ бы желая пѣмъ выразить: я глухъ.

— »Что вамъ надобно?« спросилъ четвертый писецъ, и проглашывая кусокъ хлѣба, которымъ можно было зарядить четырехъ-фунтовую пушку, повертывалъ ножомъ и складывалъ ноги, такъ что верхняя почпа равнялась съ глазомъ.

— »Я, милостивый государь, прихожу сюда въ пятый разъ....« отвѣчалъ проситель: »и желаю говорить съ Г. Дервилемъ.«

— »По дѣлу, что ли?«

— »Такъ точно, но я намѣренъ объясниться съ самимъ Адвокатомъ....«

— »Онъ спитъ, и если хопите посовѣтоваться съ нимъ на счетъ какихъ нибудь затрудненій, то скажу вамъ, что онъ серьезно занимается только ночью.... Однако жъ въ чемъ ваше дѣло?... мы вамъ не хуже его...«

Бѣдный проситель былъ несговорчивъ, и скромно осматривался вкругъ, подобно собакѣ, зашедшей въ кухню и боящейся побоевъ; но писцы, по состоянію своему неимѣющіе причины спрашивать воровъ, оставили спарика въ покоѣ, безъ малѣйшаго къ нему подозрѣнія, тогда какъ онъ щипотно опыскивалъ себѣ спулъ, чувствуя ужасную усалость.

— »Милостивый государь,« сказалъ онъ, не находя ни спула, гдѣ бы могъ сѣсть, ни привѣливаго лица, которое бы внушало утѣшеніе: »я уже докладывалъ вамъ, что хочу о дѣлѣ

своемъ говоритъ съ самимъ Г. Дервилемъ и подожду, пока онъ проснется...»

Между пѣмъ старшій писецъ, окончивъ свою спашью, вспаль съ камышевыхъ кресель, подошелъ къ камину, вымѣрять спарика глазами съ головы до ногъ, поглядѣлъ на его шинель, сдѣлалъ жестокую гримасу, и думая, что ни какими пытками нельзя было бы поживиться опъ него и сопою часстью франка, произнесъ опры-висто :

— »Вамъ ужъ, сударь, сказано.... когда Адво-капъ занимаеися. Если у васъ дѣло важное, при-ходите въ часъ ночи.»

Просипель, какъ обезумленный, посмо-прѣлъ на него, и съ минутоу споялъ неподвижно.

Писцы, привыкшіе ко всѣмъ измѣненіямъ лицъ и странностямъ просипелей, происходя-щимъ опъ ихъ нерѣшимельности или задумчи-вости, продолжали ѣспъ, не обращая вниманія на посѣспителя, и спучали челюстями, какъ ло-шади въ спойлахъ.

— »И такъ я прійду сегодня ночью,« сказала наконецъ спарикъ, въ надеждѣ своимъ упор-спвомъ, споль свойспвеннымъ злополучному, обличить во лжи безчеловѣчныхъ. Бѣднякамъ позволительна одна насмѣшка: пренебрегая не-справедливими опказами, надѣдасть собой пра-восудію и благоспримельности... Воспорже-спвовавъ надъ нечеспивыми, несчастные болѣе вѣряпъ въ Провидѣніе....

— »Какова же голова!« заговорилъ младшій писецъ, не давъ старику припворить двери.

— »Онъ какъ будто вышелъ изъ могилы,« прибавилъ другой.

— »Это Полковникъ, который послѣ своей смерти заводилъ пляббу,« сказалъ первый писецъ.

— »Нѣтъ, это старый Швейцаръ,« возразилъ претій.

— »Ударимся объ закладъ: изъ благородныхъ ли онъ?«

— »Извольте; я говорю, что онъ просто былъ какимъ нибудь Швейцаромъ,« продолжалъ претій писецъ. »На комъ же еще можетъ быть такая испасканная, оборванная шинелишка; вы не видали его стоптанныхъ худыхъ сапоговъ, его галспуха, который замѣняетъ ему рубашку... я увѣренъ, что онъ ночуетъ подъ мостами.«

— »Онъ могъ быть благороднымъ, и дергать за веревку,« замѣнилъ четвертый писецъ.

— »Нѣтъ,« сказалъ конторщикъ при общемъ хохотѣ: »по-моему, онъ въ 1789-году былъ пи-варомъ, а во время республики — Полковникомъ.«

— »Опвѣчаю спектаклемъ, что онъ никогда не служилъ въ военной!« возразилъ претій писецъ.

— »Воропитесь, воропитесь!« закричалъ младшій, отворивъ окно.

— »Что ты дѣлаешь?« спросилъ претій.

— »Зову его, чтобъ узнать, кто онъ: ол-

спавной Швейцарь или Полковникъ, вѣдь это ему должно быть извѣстно.»

Всѣ покапались со смѣха. Несчастннй спарикъ воропился.

— »Что жъ мы ему скажемъ?« началъ претій писецъ.

— »Предоставьте это мнѣ!« отвѣчалъ первый изъ нихъ.

— »Послушайте, сударь,« сказалъ онъ, когда неизвѣстный, войдя робко, опуспилъ глаза, можетъ быть для того, чтобъ не возбуждашь напрасно аппетита, при видѣ кушанья: »сдѣлайте одолженіе: объясните намъ, кто вы и какъ доложишь объ васъ Г. Адвокапу.»

— »Я Шаберъ!«

— »Не Полковникъ ли, убитый при Эйлау?« спросилъ одинъ изъ писцовъ, горѣвшій неперпнїемъ къ оспропамъ товарищей прибавилъ и свою.

. — »Онъ самый!« отвѣчалъ спарикъ съ необыкновеннымъ простодушіемъ.

— »Ха, ха, ха, ха!... Охъ!... Уфъ!... умора... попѣха!«

Смѣхъ, крикъ и восклицанія слились въ одинъ гулъ.

— »Такъ въ какой же мы идемъ театръ?«

— »Въ *Оперу*.«

— »Объ этомъ уговора не было,« возразилъ претій писецъ; »въ другой, пожалуй, да и кто знаетъ, что этопъ орангутангъ не подшупилъ надъ нами? Полковникъ Шаберъ почно умеръ,

жена его вышла за Графа Феррана, у насъ есть ея дѣло.»

— »Оно опложено до завтра!...« сказалъ старшій писецъ... »ну-ка, господа, за работу... ничего не дѣлается!...«

— »Если бъ онъ былъ Полковникъ Шаберъ, то не даль бы, думаете вы, пощечины Симонену, когда топъ прикинулся глухимъ?« молвилъ четвертый писецъ, считая это замѣчаніе болѣе заслуживающимъ вѣроятія, чѣмъ сдѣланное прешьимъ писцомъ.

— »Точно, теперь это еще не рѣшено; пакъ пойдете въ пеапръ посмопрѣть Тальму въ Неронъ; мы возьмемъ ложу, а Симонень отправится въ партеръ.«

Старшій писецъ усмѣяся за споль, всѣ послѣдовали его примѣру, и перья заскрипѣли по бумагѣ.

Вопъ забавы, которыя со временемъ, при воспоминаніяхъ нашихъ о молодости, заспавляютъ насъ восклицать: славное тогда было житье!

§ II.

В о с к р е с е н ь е.

Въ часъ ночи, назвавшійся Полковникомъ Шаберомъ, поступчалъ въ ворота Г. Дервилл, Адвоката при трибуналѣ 1-й инстанціи Сенскаго Департамента. Привратникъ объявилъ, что Г. Дервилль еще не возвращался; но просипель,

сославшись на писцовъ, вошелъ къ знаменитому законнику, который, не смотря на свои молодые лѣта, извѣстенъ былъ за самаго дѣловаго человека.

Спарикъ не мало удивился, видя, что писмоводитель подбираетъ для доклада бумаги въ той самой комнатѣ, гдѣ поутру завтракали.

Топъ, съ своей стороны не менѣе изумленный, поклонившись Полковнику, предложилъ ему сѣсть, на что онъ, не медля, согласился.

— »Признаюсь вамъ, Милосивый Государь, я полагаю, что вы на смѣхъ назначили мнѣ вчера такой ранній часъ для свиданія съ Г. Адвокатомъ,« сказалъ спарикъ съ принужденною улыбкою, посредствомъ которой несчастный спарается казаться веселымъ.

— »Писцы точно шупили и вмѣстѣ говорили правду. Г. Дервиль, по привычкѣ или просто поспраши, выбралъ для просмотра бумагъ это время. Тутъ — по развертывающся вполне необычайныя его соображенія. Онъ любитъ быть одинъ въ совершенной тишинѣ, и опъ всѣхъ это скрываетъ. Въ печеніе шеспи лѣтъ, вы претій приходите въ такую пору. Принявшись ночью за работу, онъ разсмаприваетъ каждое дѣло, чипаетъ иной разъ часовъ пять, шесть, пономъ звонитъ и излагаетъ свои мысли. Днемъ выслушиваетъ просителей, вечеромъ, среди свѣтскаго шума, обдумываетъ ихъ процессы, и признавался самъ, что иногда счастливыя идеи рождались у него во время разго-

воровъ и смѣха. Вопшь его жизнь. Онъ чрезвычайно дѣятеленъ, за то и много получаетъ денегъ.»

Спарикъ молчалъ, но лице его приняло такое безсмысленное выраженіе, что удивленный письмоводитель, взглянувъ на него, переспаль имъ занимаешься. Спусти нѣсколько минутъ, пришелъ и Г. Дервиль.

Молодой Адвокатъ, одѣтый по послѣдней модѣ, въ бальномъ костюмѣ, остановился и какъ бы осполбенѣлъ, увидѣвъ въ полуосвѣщенной пемнопѣ ожидавшаго его просителя.

Полковникъ Шаберъ тоже споялъ неподвижно, какъ восковая фигура изъ Курціева кабинета, но одна эта неподвижность не была бы причиною удивленія, происходившаго вообще опъ неспешности его вида. Онъ былъ высокъ, сухъ; глаза его, казавшіеся подернутыми прозрачною сѣпкой, можно бѣ даже было счестъ оловянными, если бѣ при мерцаніи свѣчей они не опливали синевапаго опблеска; лице блѣдное, спальное, мертвое; шея его запыгивалась обрывкомъ чернаго плапка, описывавшимъ пемный кругъ и выдавшуюся изъ-за него голову; человекъ съ воображеніемъ принялъ бы его, не видя корпуса, за случайно образовавшійся въ воздухѣ силуэтъ: словомъ, это была безъ рамы Рембрандова картина. Поля шляпы, нависшія на лобъ, опбрасывали тѣнь на лице его, и опъ сего проспаго, но спраннаго дѣйствія, спановились явспвеннѣ рѣзкія морщины, глубокія впадины и

умертвленныя чувства безжизненной физиономіи: Совершенная неподвижность и попухшіе взоры вполне согласовались съ выраженіемъ жалкаго безумія и со всѣми унизишельными признаками лишенныхъ ума, производившими впечатлѣніе ужасное, неизъяснимое на языкѣ человѣческомъ.

Но наблюдателямъ и особенно Адвокатомъ могли бытъ замѣчены въ семь почти разрушенномъ старцѣ, въ семь обломкѣ жизни, черты глубокой скорби, свидѣтели бѣдствій, истерзавшихъ душу нѣкогда прекраснаго тѣла: такъ капли воды, падающія съ неба, искажаютъ въ печеніе время великолѣпный мраморъ..... Докторъ, Авторъ, Судья, обдумали бы цѣлую драму при видѣ сего олицетвореннаго, высокаго ужаса, о коемъ малѣйшее понятіе подадо бы вамъ фантасматическія изображенія, набрасываемыя живописцами, между дѣломъ и разговорами, по краямъ ихъ литографическихъ камней.

Увидѣвъ Адвоката, парикъ содрогнулся въ судорогахъ, какъ Поэтъ, внезапнымъ спугомъ выведенный изъ задумчивости, среди ночнаго безмолвія; потомъ поспѣшно всталъ, чтобъ поклониться, но парикъ, присавши къ засаленной кожѣ внутри шляпы, остался въ ней, и Полковникъ вдругъ обнажилъ изувѣченную голову. Поперегъ ея проходилъ толстый рубецъ и оканчивался съ одной стороны у самаго запылка, а съ другой у праваго глаза. Парикомъ закрывалась прежде эта зажившая рана, копо-

рою, по всей вѣроятности, голова была раздвоена.

Ни Адвокатъ, ни его соприудникъ, не подумали о смѣхѣ: ихъ поразило ужасомъ разрубленный черепъ, или, какъ бы другіе выразились, трупъ безголовый: ибо первую мыслью при взглядѣ на знакъ такой раны было то, что послѣ нея уже не могъ имѣть мѣста разумъ.

Если это и не Полковникъ Шаберъ, то все же славный воинъ!... помыслили они.

— »Кого я имѣю честь видѣть?« спросилъ Дервиль.

— »Полковника Шабера... умершаго при Эйлау,« отвѣчалъ старикъ.

При сихъ справныхъ словахъ, Адвокатъ и его помощникъ обмѣнялись взорами, значившими: онъ сумасшедшій.

— »Милостивый государь!« продолжалъ Полковникъ: »я вамъ одному желаю бы вѣрить свою пайну....«

Неустрашимость, свойственная Адвокатамъ—достойна замѣчанія. Опъ навыка ли, видѣть у себя множество людей, или по глубокому чувству законнаго покровительства, или по увѣренности въ важности своего званія, они, подобно Священникамъ и Докторамъ, посѣщаютъ всѣхъ и принимаютъ сами, ничего не опасаясь.... Гражданская доблесть!....

Дервиль сдѣлалъ знакъ, и по оному подчиненный его удалился.

»Днемъ я не скупъ на время,« сказалъ Адво-

капъ, »но съ наспуленіемъ ночи для меня дорога каждая минута, и такъ прошу объясняться внятнѣе и короче: я остановлю васъ на помъ, что покажется мнѣ темнымъ! . . . извольте.«

Молодой человекъ, усадивъ необыкновеннаго просипеля, и сѣвъ самъ къ сполу, началъ было пробѣгать дѣла и вмѣстѣ съ большимъ вниманіемъ слушать умершаго Полковника, но скоро опложилъ бумаги.

— »Вы знаете, можетъ быть,« началъ покойникъ: »что я командовалъ кавалерійскимъ полкомъ при Эйлау и много способствовалъ блистательной атакѣ Мюрапа. Къ несчастью, эпошъ историческій фактъ сохраненъ въ извѣстномъ сочиненіи: *Побѣды и Завоеванія*, гдѣ смерть моя описана со всею подробностію. Наша кавалерія разрѣзала при непріятельскія линіи, которыя, построившись снова, принудили насъ сквозь нихъ прорубаться; разсѣвъ непріятеля, мы возвращались уже къ Императору, какъ вдругъ попался намъ свѣжій большой оирядъ: я бросаюсь на него, но меня атакуютъ два офицера, совершенные гиганты, и разрубаютъ мой черепъ; я упалъ съ лошади. Мюрапъ хотѣлъ меня выручить, но пронесся по мнѣ со всей своей бригадой, человекъ тысячи при. . . не взыщете, что такъ мало. . . О смерти моей доложили Государю, который, любя меня, желалъ знать, нѣтъ ли средства спасти того, кому онъ опчаспи обязанъ быть споль славнымъ дѣ-

ломъ: отдавъ приказъ отъяскашь меня и перенесшь въ походный госпиталь, сказавъ, и можешъ бышь, равнодушно: посмотрите, не дышите ли еще бѣдный Шаберъ? Проклятые Эскулапы, знаяши, что по мнѣ пронеслись два опчаянные полка, не помню, осмапривали меня или нѣтъ, но только донесли, что я умеръ; и реляція о помѣ была написана въ порядкъ, съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ правилъ.»

Слыша удивительный, если не правдоподобный рассказъ своего просителя, Адвокатъ облокотился лѣвою рукою на столъ, подперъ ею голову, и взглянувъ на Полковника, сказалъ:

»Знаете ли, милостивый государь, что я Адвокатъ Графини Ферранъ, вдовы Полковника Шабера?»

— »Да, моей жены!... После безчисленныхъ и бесполезныхъ попытокъ у законниковъ, которые принимали меня за сумасшедшаго, я рѣшился обратиться къ вамъ.... Не распространяясь теперь о всѣхъ моихъ несчастіяхъ, передамъ происшествія такъ, какъ они дошли до меня; по разнымъ обстоятельствомъ, известнымъ одному Богу, я принужденъ многіе изъ нихъ представлять въ видѣ догадокъ.

»Полученныя мною раны весьма естественна произвели во мнѣ родъ капалепсіи, оцѣпенѣніе во всѣхъ членахъ; я, по заведенному обыкновению, былъ обобранъ, раздѣлъ донага и зарытъ съ мертвыми....

»Позвольте рассказать вамъ по-подробнѣе о случаѣ, который точно можно считать моею смертію. . . .

»Въ Спунгардѣ я встрѣтилъ стараго квартирмейстера нашего полка, почтеннаго человека; лишь одинъ онъ захотѣлъ узнать меня и объяснилъ мнѣ чудесное мое спасеніе: по его словамъ, въ одно время со мною ранена была пулею въ бокъ и моя лошадь; мы упали вмѣстѣ и я весь подвернулся подъ ея пѣло.

»Очнувшись въ могилѣ, я почувствовалъ, что нахожусь въ такомъ положеніи и въ такой атмосферѣ, о которыхъ не въ силахъ сообщить вамъ идеи, хоть бы спалъ полкованъ до завтра. Воздухъ, которымъ дышалъ я, былъ жарокъ, убійственъ; хочу подвинуться — нѣтъ мѣста. . . . Открываю глаза, ничего не вижу; я опаматовался при мысли, что умру отъ духоты, и это заглушало нестерпимую боль, выведшую меня изъ мертваго усыпленія. Въ ушахъ моихъ раздавался сильнѣйшій звонъ, я слышалъ или воображалъ, что слышу, утверждать не смѣю, спины изъ подъ груды труповъ, на которыхъ лежалъ я.

»Не смотря на то, что эти минуты помню я весьма не ясно, воспоминанія мои перебиты, и еще мучительнѣйшія спраданія, испытанныя мною послѣ, смѣшали всѣ мои идеи, — бывають ночи, что мнѣ чудятся удивительные вздохи. . . Но ужаснѣе всего была пишина, какой

я нигдѣ не встрѣчалъ; попомъ точно пишина могильная.

»Поднявъ руки, я ощутилъ надъ моею головою пустошу, усиливался ее измѣрить, и не поспигалъ, опъ чего она могла произойти.— Вѣроятно, по безпечности или по поропливости, съ копорою кидали безъ разбора и Полковниковъ и рядовыхъ, два тѣла образовали надо мною преугольникъ, какіе дѣлають изъ карпъ дѣши, строя домики. Я началъ обшаривать кругомъ съ непоспижимою скоростію; медлить было нечего; поймалъ свободную руку, Геркулесовскую, и ей былъ обязанъ своимъ спасеніемъ. Безъ этой неожиданной находки, я бы погибъ!... Въ изступленіи принялся я раздвигать трупы, опдѣлявшіе меня опъ брошенной на насъ земли, говорю на насъ, какъ будто бы мы были живые... Я не ослабѣвалъ, и не понимаю, какъ успѣлъ разрушить сводъ изъ человѣческихъ тѣлъ, составлявшій преграду между жизнію и мною; правда, со мной было три руки, и найденный рычагъ, дѣйствуя опчаянно, доставлялъ мнѣ немного воздуха....

»Наконецъ я увидѣлъ свѣтъ... но чрезъ снѣжную глыбу... и лишь почувствовалъ, что голова моя открыта; разможенные оспапки ея, также моихъ товарищей и лошади, можетъ быть, къ счастью, облѣпли меня какъ бы натуральнымъ пластыремъ. — Едва черепъ мой коснулся снѣга, со мной сдѣлался обморокъ, но около меня опъ теплошы обтаялъ кружокъ, чрезъ кошо-

рый я безъ памяти кричалъ часа два... Когда же пришелъ въ себя, сіяло солнце... я спалъ приподнимаюсь, упираясь ногами въ окостенѣлые бока... До человѣчества ли было мнѣ! На послѣдокъ одна женщина осмѣлилась подойти къ моей головѣ, высунувшейся изъ земли на подобіе гриба . . . Словами не выразишь неистовства, съ какимъ я долго... да, долго смотрѣлъ на Нѣмцевъ, которые удалялись, слыша голосъ и не замѣчая ничего. — И такъ я былъ высвобожденъ и перенесенъ моею спасительницею и ея мужемъ въ бивачный шалашъ.

»Во мнѣ возобновилась прежняя болѣзнь: я не въ состояніи вамъ объяснить ее, но, по увѣренію моихъ избавителей, это былъ родъ паралича: у меня опнѣлись всѣ члены.

»Шесть мѣсяцевъ оставался я между жизнью и смертью, не владея вовсе языкомъ, или же заговариваясь... Въ послѣдствіи меня помѣстили въ Крейславскую больницу.

»Представьте себѣ, что изъ могилы вышелъ я, какъ изъ утробы матери, и когда десять мѣсяцевъ спустя, вспомнивъ, что я Полковникъ Шаберъ, попросилъ своего присмотрщика обходиться со мной повѣжливѣе, всѣ мои сосѣди расхохотались.

»Однако жъ Докторъ, конечно изъ самолюбія, ручался за мое выздоровленіе, и со временемъ, узнавъ отъ меня о моемъ несчастіи, велѣлъ опыскать могилу, откуда я былъ выпущенъ, допросить моихъ благодѣтелей о днѣ и часѣ,

когда меня нашли, и въ почности описать мои раны, къ чему прибавилъ собственное обо мнѣ свидѣтельство и описаніе. Но у меня нѣтъ ни эпихъ важныхъ актовъ, ни объявленія, поданнаго мною Помаріусу города Крейслау, въ доказательство, что я дѣйствительно Графъ Шаберъ.

»По военнымъ происшествіямъ изгнанный изъ того города, я постоянно скипался, какъ бродяга, и мірскимъ подаваніемъ стискивалъ себѣ пропитаніе; меня считали за безумнаго, коль скоро я начиналъ говорить о своемъ приключеніи, а чтобы доспать акты, которые бы могли подтвердить мои слова, не имѣлъ ни одного су... Опъ мученій я часто подвергался болѣзнямъ, и по цѣлымъ мѣсяцамъ лежалъ въ городкахъ, гдѣ умирающему спрадальцу подавали помощь, но ему въ глаза смѣялись, если онъ хотѣлъ быть Полковникомъ Шаберомъ...

»Мной овладѣло какое-то бѣшенство, вредившее моему здоровью, и въ Спунгардѣ меня посадили въ тюрьму, какъ полоумнаго. Судите сами по моему разсказу, не было ли въ самомъ дѣлѣ къ тому множеству причинъ?

»Послѣ двухъ - годичнаго започенія, между тѣмъ, какъ спорожамъ моимъ тысячу разъ говорено было: это бѣднякъ, помѣшанный на томъ, что онъ Полковникъ Шаберъ, я самъ усомнился въ сбывчности моего приключенія, унылъ, покорился своей участи, и ужъ не желалъ быть Полковникомъ Шаберомъ, лишь бы только вы-

рвасься изъ пюрмы, и оячь увидѣть Францію... Парижь... Ахъ, милоспивый государь, какой былъ восторгъ для меня!..»

При сей рѣчи Графъ Шаберъ предался глубокой задумчивости, тайну которой Дервиль совѣспился вывѣдывать.

— »Въ одинъ прекрасный весенній день меня выпустили на волю съ десятью талерами, подѣтъмъ предлогомъ, что я обо всѣхъ предметахъ разсуждалъ здраво, и болѣе не назывался Полковникомъ Шаберомъ. Признаюсь, въ то время, и даже теперь случаюся мннушы, что имя мое для меня несносно... я бы хотѣлъ не быть мною. Если бы болѣзнь совершенно испребила во мнѣ воспоминаніе о прежней жизни, я былъ бы счаспливъ!... Увѣренность въ правахъ своихъ меня убиваетъ... Я бы снова вступилъ въ службу подѣтъ другимъ именемъ, и почему знашь, можетъ быть дослужился бы до Фельдмаршала...»

— »Я слушаю васъ, какъ бы во снѣ; у меня перемѣшались всѣ идеи... дайте мнѣ прійти въ себя...»

— »Вы первый,« сказалъ Полковникъ съ меланхолическимъ видомъ: »выслушиваете меня такъ терпѣливо: въ васъ есть еще довѣрчивость... Ни одинъ Адвокатъ не хотѣлъ меня ссудить десятью червонными для полученія изъ Германіи бумагъ, необходимыхъ къ началію процесса.«

— »Какого процесса?« спросилъ Дервиль, все забывши.

— »Какъ, милоспивый государь! Графиня Ферранъ моя жена и пользуется 30-ю тысячами ливровъ дохода, принадлежащаго мнѣ... Когда я говорилъ людямъ свѣдуцимъ въ законахъ, людямъ умнымъ, что предполагаю оспоривать актъ о моей смерти и второй бракъ жены... они помирили со смѣху.. Я былъ похороненъ между мертвыми, теперь же похороненъ между живыми, подъ бременемъ обстоятельствъ, во всей вселенной, которая опять готова зарыть меня живаго въ могилу!... нѣтъ, благодарю покорно.«

— »Не угодно ли вамъ продолжати, милоспивый государь.«

—»Не угодно ли!« вскричалъ несчастный спарикъ, схвативъ молодаго челоуѣка за руку... »Вопъ первое слово!«...

Полковникъ заплакалъ... благодарность заглушала его голосъ. — »Послушайте,« молвилъ Адвокатъ: »сегодня я выигралъ въ карты 300 франковъ, такъ половину изъ нихъ мнѣ можно употребить для благополучія ближняго. Я немедленно распоряжусь выпребованіемъ бумагъ, о которыхъ вы говорили, а до высылки ихъ, чрезъ десять дней, буду доставлять вамъ по пятидесяти франковъ... Если вы Полковникъ Шаберъ, по вѣрно не оскорбитесь скудостью такой ссуды, снисходя къ недовѣрчивости, свойственной намъ, Адвокатамъ... но продолжайте...«

Полковникъ, какъ осполбенѣлый, оставался съ минутоу безъ движенія; убитый бѣдствіями,

онъ разучился вѣрять, и гонялся за своимъ именемъ, своей славой, за самимъ собою, собственно изъ покорности пому неизъяснимому чувству, зародышъ коего таится въ сердцѣ каждаго, и копорому обязаны мы алхимическими изслѣдованіями, астрономическими открытіями, спрасью къ славѣ, Химіею; въ глазахъ своихъ, онъ былъ уже предметомъ впороспепеннымъ, какъ иногда для игрока щеславіе, желаніе выпрыша дороже самыхъ денегъ.

Такимъ образомъ слова Адвоката были какъ бы чудомъ для несчастливца, слишкомъ девять лѣтъ опвергаемаго всѣмъ свѣтомъ, женою, правосудіемъ... Каково же было для него найши пеперь десять червонныхъ, въ коихъ такъ долго отказывали ему сполько лицъ подъ разными изворотами? Полковникъ уподоблялся женщиנѣ, спрадавшей лѣтъ 12 лихорадкою, и попомъ счипавшей себя больною въ день выздоровленія... Есть радости свыше всякаго вѣроятія... поражающія насъ подобно молніи!

Бѣдный спрадалецъ, вполне проникнутый признапельностью, не въ состояніи былъ выразить ее. Мелочнымъ людямъ молчаніе его показалось бы холодностію, но Дервиль поспигалъ силу честности въ эпоѣ безмолвной неподвижности... Плущъ нашель бы, что говорить.

— »На чемъ же я оспановился?« сказалъ Полковникъ съ просподушіемъ ребенка или война... Въ наспоющемъ солдацѣ часто бываетъ нѣчто

дѣтское... и почти всегда что-то воинское въ дѣтяхъ.

— »На Спунгардѣ... когда васъ выпустили изъ тюрьмы...« отвѣчалъ Адвокатъ.

— »Вы знаете мою жену?...« спросилъ вдругъ Полковникъ.

— »Да,« отвѣчалъ Дервиль, кивнувъ головою...

— »Что она?«

— »Все еще прелестна.«

Спарикъ махнулъ рукою и, казалось, былъ пожираемъ тайною скорбію, но съ поржеспвеннымъ самоопроверженіемъ, опличающимъ тѣхъ, кои испытаны кровью и огнемъ сраженій.

— »Милоспивый государь!« сказалъ попомъ Полковникъ съ нѣкоторою веселостію — (онъ дышалъ, выходилъ въ другой разъ изъ могилы, разогрѣвалъ слой снѣга, гораздо пвердѣйшій въ сравненіи съ натуральнымъ, и впивалъ небесную атмосферу, вырвавшись изъ затворовъ).— »Будь я молодъ, красивъ, по не испыталъ бы такихъ несчастій. Женщины вѣрятъ любовному краснорѣчію мужчинъ, отъ него земли подъ собою не слышатъ, рвутся... увлекаютъ въ свои сѣти, разсыпаются мелкимъ бѣсомъ... А я былъ живой мершвецъ въ одеждѣ нашихъ прародителей, и походилъ болѣе на дикаря, нежели на Европейца, я, который въ 1790 году считался первымъ щеголемъ и красавцемъ.... я, Графъ Шаберъ!

»Наконецъ, въ шопъ самый день, когда меня въ Спунгардѣ вышвырнули, какъ собаку, на улицу, я встрѣшилъ Квартермистра, о кѣсто-

ромъ сказывалъ вамъ, по имени Бупена. Оба мы похожи были на пару клячь, какъ я едва ли когда попадешся. Я увидѣлъ его на гуляньѣ просящаго милостыни... Ему не возможно было узнать меня.. Мы зашли въ одинъ *хромой* прачшпръ, и когда я назвалъ себя, ротъ моего товарища разразился громкимъ хохотомъ, подобнымъ треску разорванной морщины... Его веселость ужаснула меня, открывъ происшедшія во мнѣ перемѣны... точно я по виду былъ не Графъ, а скорѣе колѣкка, торгующій сѣрыми спичками; и пакъ меня не могли уже узнать и глаза покорнѣйшаго, признавательнѣйшаго изъ друзей!... Я нѣкогда спасъ ему жизнь, но это была оплата пою же монетою.. Не распространяясь въ мелочахъ, скажу вамъ, что въ Венеціи я безъ него погибъ бы подъ ударомъ кинжала въ одномъ не совсѣмъ благоприспойномъ домѣ; но тогда я былъ не Полковникомъ, а просто офицеромъ, какъ и Бупень. По счастью, подробности этого происшествія извѣстны были намъ однимъ, и лишь только я ему ихъ напомнилъ, сомнѣніе его уменьшилось. Я разсказалъ ему спранныя свои приключенія, и хопя мои глаза, мой голосъ, по словамъ его, чрезвычайно измѣнились, хопя я былъ безъ волосъ, безъ бровей, безъ зубовъ, съ побѣлѣвшей бородой, какъ Албиносъ, онъ призналъ во мнѣ своего Полковника, послѣ множества вопросовъ, на которые я отвѣчалъ ему удовлетворительно.

»Тутъ онъ сообщилъ мнѣ свои похождения,

не менѣ моихъ удивительныя, послѣдствія Русской кампаніи, и отреченіе Наполеона: эта новость была одна изъ ужаснѣйшихъ для меня. Бутень возвращался съ Китайской границы, за которую успѣлъ пробраться, бѣжавши изъ Сибири. Мы оба были рѣдкіе обломки, довольно покапавшіеся по свѣту, какъ кремни морскіе.

»Бывши попроворнѣ меня, Бутень рѣшился итти въ Парижъ, чтобъ увѣдомить Графиню Шаберъ о моемъ положеніи. Я написалъ къ ней преподробное письмо... и это, милостивый государь, было уже четвертое...

»Имѣй я родственниковъ, со мной того бы, можешь быть, не случилось; но я круглый сирота, подкидышъ, солдатъ, котораго наследство—храбрость, семейство—цѣлый свѣтъ, опечество, — Всеблагое Провидѣніе... Нѣтъ, я ипмѣль и опца... въ особѣ Императора.

»Политическіе перевороты оправдывали молчаніе моей жены...

»Бутень отпраплялся. Ахъ! онъ былъ очень счастливъ... держалъ при себѣ двухъ бѣлыхъ медвѣдей, славно выученныхъ и доставлявшихъ ему пропитаніе. Я далеко за нимъ слѣдовать не могъ: спраданія не позволяли мнѣ дѣлать большихъ переходовъ, и я плакалъ при прощаньѣ, прошедши по возможности нѣкоторое разстояніе. Въ Карлсруэ, я опять почувствовалъ нервную боль въ головѣ, и шесть мѣсяцевъ пролежалъ въ углу трактира на соломѣ.

»Душевные муки конечно выше физическихъ, но менѣе возбуждаютъ состраданія... Помню, какъ я обливался горькими слезами предъ Стразбургской гостинницей, гдѣ нѣкогда я давалъ праздникъ, и гдѣ послѣ не вымолилъ себѣ даже куска хлѣба.

»Слѣдовавши той дорогой, о которой мы условились съ Бушеномъ, я справлялся на каждой почтѣ, нѣтъ ли ко мнѣ письма и денегъ, но допавшись до самаго Парижа, ничего не получивши... Какимъ я не перзался отчаяніемъ!...

»Бушень вѣрно умеръ, думалъ я.

»Въ самомъ дѣлѣ онъ кончилъ жизнь при Ватерлоо, что я случайно узналъ въ послѣдствіи... и порученіе его къ моей женѣ вѣроятно оспалось безъ успѣха.

»Наконецъ я вошелъ въ Парижъ вмѣстѣ съ казаками.., былъ безъ сапогъ, въ рубищѣ, и ночевавши на бивакахъ въ Клейскомъ лѣсу, самъ не понимаю, чѣмъ сдѣлался боленъ, послѣ чего, проходя предмѣстіе Св. Марпына, упалъ безъ чувствъ у дверей одной лавки... а очнулся въ домѣ Спраннопріимныхъ.

»Тамъ съ мѣсяць я былъ довольно благополученъ; потомъ, опущенный безъ денегъ, но чувствуя себя здоровымъ, пошелъ и очутился на прелестной Парижской мостовой... Спѣшу въ улицу Монъ-Бланъ, гдѣ жила Графиня Шаберь въ моемъ домѣ, но онъ уже не существовалъ, и мѣсто его спекулянты застроили другими домами. Не зная, что жена моя вышла за

Графа Феррана, я ничего не могъ объ ней вывѣдать. Напослѣдокъ отпраляюсь къ Адвокату, который прежде занимался моими дѣлами, и узнаю, что онъ сдалъ свою должность одному молодому человѣку. Тотъ, къ величайшему моему удивленію, разсказалъ мнѣ объ участи моего имѣнія, его переходъ, бракъ моей жены, рожденіе ея двухъ дѣтей, и когда я себя называлъ Полковникомъ Шаберомъ, онъ такъ опкровенно расхохотался, что я долженъ былъ его оставить. Вспомнивъ мое започеніе въ Спразбургъ, и не желая возобновить его въ Шарапшонѣ, я рѣшился дѣйствовать разсудительнѣе. Распросивши, гдѣ живетъ моя жена, лечу къ ней съ сердцемъ, полнымъ надежды.

»И что же?« вскричалъ Полковникъ съ испуленіемъ: »я не иначе былъ допущенъ, какъ назвавшись вымышленнымъ именемъ, и выполкнулъ за дверь, когда хотѣлъ дойти до нея подъ своимъ настоящимъ.

»По цѣлымъ ночамъ я оспавался какъ бы прикованнымъ къ ворошамъ, чпобъ увидѣть Графиню Ферранъ, пріѣзжавшую съ поздняго бала по утру... Мой взоръ пробивался въ коляску, летѣвшую передъ моими глазами съ быспрошю молніи, и едва успѣвалъ ловить черпы пои, которая мнѣ болѣе не принадлежала

»О, съ этой поры, я спалъ жить для мще-

нія!« закричалъ спарикъ удушливымъ голосомъ, выпрямившись предъ Дервилемъ...

»Она слышала, что я живъ еще; она получила два письма послѣ моего возвращенія... Если она меня не любитъ, то я ее люблю и ненавижу, ею дышу и проклинаю ее... Бездушная женщина!... обязана мнѣ соспоянiемъ, всѣмъ счастьемъ, и не хотѣла пожертвовать для меня ста су, чрезъ постороннія руки.. Она!... она!... Но, терпѣніе«

При сихъ словахъ, старый воинъ повалился на стулъ и опять пришелъ въ неподвижное положеніе.

Г. Дервиль безмолвно смотрѣлъ на своего просителя.

— »Дѣло презавязчивое!« сказалъ онъ наконецъ машинально. »Даже предположивши законность бумагъ, которыя должны находиться въ Гейльсбергѣ, Богъ знаетъ, выиграемъ ли мы.«

— »О,« возразилъ съ холодностію Полковникъ, гордо поднявши голову: »коль суждено мнѣ проиграть мое дѣло, то я знаю, какъ умереть... только не одному...«

Тупъ спарикъ исчезъ; глаза его запылали месью.

— »Не пришлось бы обратиться къ мировымъ переговорамъ,« замѣшилъ Адвокатъ.

— »Къ мировымъ переговорамъ!« повторилъ Полковникъ. »Существу ю я или нѣтъ?«

— »Милоспивый государь!« возразилъ Адво-

капъ: »Вы, надѣюсь, послѣдуете моему совѣту... Ваше дѣло будетъ моимъ собственнымъ... Вы скоро увѣришь въ участіи, которое беру въ вашей судьбѣ, почти безпримѣрной въ юридическихъ лѣпописяхъ... Между тѣмъ, вручу вамъ записочку къ моему Нотариусу: отъ него вы подъ расписку будете получать назначенныя деньги. Вамъ было бы неприлично искасть здѣсь вспоможенія... Если вы Полковникъ Шаберъ, то никому не должны обязываться, и отъ меня вы примите деньги въ видѣ займа.«

Столь упонченная вѣжливость со стороны молодаго челоуѣка извлекла слезы изъ глазъ старца...

Дервиль поспѣшилъ встать и пошелъ въ свой кабинетъ. Помошь вскорѣ возвратился съ открытымъ письмомъ, и Полковникъ Шаберъ, держа его въ рукахъ, оцупалъ сквозь бумагу монету.

— »Прошу васъ наименовать мнѣ всѣ акты и мѣста,« сказалъ Адвокатъ.

Воинъ продиктовалъ, что нужно, поправилъ орфографію въ названіяхъ, взявъ одною рукою шляпу, посмотрѣлъ на Г. Дервиля, и протянувъ ему другую изсохшую руку, отъ души произнесъ :

— »Вѣрите, милоспивый государь, что послѣ того, кто научилъ меня грамотѣ, и Императора... вы первый, которому я одолженъ всѣхъ болѣе... Вы отличныи...«

Адвокатъ пожалъ Полковнику руку, проводилъ его на лѣспницу и посвѣпилъ ему...

— »Ну,« сказалъ Дервиль своему письмоводителю: »я слышалъ испорію, за которую, можешь быть, заплачу 25 лундорами. Но не пожалю объ нихъ, хоть и буду обманутъ... Тогда я въ правѣ сказать, что видѣлъ превосходнѣйшаго актера нашего времени.«

Полковникъ, вышедши на улицу, и приблизясь къ фонарю, принялся переписывать полученную отъ Адвоката монету въ 20 франковъ, долго любовался ею при отраженіи свѣта, и на послѣдокъ закричалъ: »пойду купить себѣ цигарокъ!«



§ III.

Д В А В И З П Т А.

Спустя чепыре мѣсяца послѣ ночнаго совѣщанія между Полковникомъ Шаберомъ и Г. Дервилемъ, Нотариусъ, которому поручено было производить выдачу денегъ необыкновенному просителю, пришелъ къ Адвокату по одному дѣлу, и потребовалъ съ него 600 франковъ, данныхъ Графу Шаберу.

— »Ты содержишь спарую армію,« сказалъ, смѣясь, Нотариусъ.

— »Премного тебѣ благодаренъ, что ты мнѣ объ этомъ напомнилъ,« отвѣчалъ Дервиль. »Моя филантропія не такъ далеко простиралась... я

и теперь боюсь быть одураченнымъ за свой патриотизмъ.»

Въ эту минуту онъ увидѣлъ на конторкѣ пакеты, и взоры его были поражены продолговатыми, квадратными и преугольными штемпелями краснаго и синяго цвѣта, приложенными къ конверту, шедшему чрезъ Прусскую, Австрійскую и Баварскую почту.

— »Ну, вотъ и развязка комедіи,« сказалъ Дервиль, улыбаясь. Схватилъ письмо, распечаталъ: оно писано было по-Нѣмецки.

— »Г. Букаръ!« закричалъ онъ своему письмоводителю.

Голъ явился.

— »Переведите сами это письмо, и какъ можно скорѣе...«

Берлинскій Нотаріусъ, съ которымъ сносялся Г. Дервиль, извѣщалъ его, что просимые имъ акты доставятся къ нему чрезъ нѣсколько дней; что акты сіи совершены въ порядкѣ и облечены всѣми законными формами. Къ сему присовокуплялъ онъ, что въ Прейсишъ-Эйлау живы многіе свидѣтели, допрошенные по всѣмъ правиламъ судопроизводства, и между прочими женщина, кою Графъ Шаберъ обязанъ спасеніемъ жизни....

— »Дѣло-то беретъ серьезный оборотъ,« сказалъ Дервиль. Запѣвъ взглянувъ на адресъ Полковника, означенный на данной Нотаріусу распискѣ, рѣшился тотъ же часъ итти къ сво-

ему просипелю, и увѣдомить его о скорой присылкѣ докуменшовъ.

Графъ Шаберъ жилъ въ улицѣ Орлеанъ-Сенъ-Марсель, занимая родъ берлоги, какихъ довольно въ Парижскихъ предместьяхъ. Это была пѣсная лачужка; складенная нѣкогда изъ спараго щебня, и принадлежавшая скопнику. Дворъ завзленъ былъ навозомъ; пашь кудахтали куры; поросята разгуливали на свободѣ; многочисленныя семейства кроликовъ разводились за ржавою рѣшеткой.

Видъ двора сквозь ветхія съ трещинами ворота предспавлялъ одну изъ Парижскихъ картинъ, которой вообразить себѣ не могутъ иностранцы и, вообще, непамошніе жители. Надобно самому разсмотрѣть пощія деревья, высокія лозы, жаждущія воздуха, какъ узники изъ-за оконъ съ желѣзными переплетами; надобно самому полюбоваться большими искривленными жеспянками, смироною рѣдкою клячею, спарымъ издыреннымъ пряшемъ, употребляемымъ на выпиранье сливочныхъ горшковъ и просушиваемыхъ на солнцѣ... а въ добавокъ, не забудьте ребятишекъ, которые либо гвѣздятся въ соломѣ, либо льнушъ къ ворошамъ подобно плющу; цвѣтъ растреснувшихся спѣнъ и сдвинувшя съ пещель двери; тогда вы будете имѣть понятіе о родѣ этихъ пейзажей и неожиданныхъ сценахъ, составляющихъ рѣзкую противоположность съ зрѣлищами роскоши, шумными веселостями и

фаншаспическими издѣліями въ улицахъ *Піятръ-Сентъ-Авра*, *Онъяръ*, *Вънецъ* и другихъ.

Адвокатъ не вдругъ опыскалъ своего про-
сипеля, потому, что лачужка его на этотъ
разъ оставалась только подъ присмотромъ
трехъ беззаботныхъ мальчишекъ. Одинъ, вска-
рабкавшись на двухъ-колесную шельгу съ не-
доспѣлыми зернами, бросалъ камни въ трубу со-
сѣдняго дома, надѣясь чтонибудь шамъ ис-
портить, другой шормошилъ поросенка, а тре-
тій, подобно звѣрку, капался по солому. Когда
Г. Дервиль спросилъ, гдѣ живетъ Полковникъ
Шаберъ, они, молча, посмотрѣли на него съ ду-
кавою простою, (если только можно соеди-
нить сіи два слова)... Дервиль вѣжливо повто-
рилъ вопросъ свой... но плутовское перемиги-
ванье шалуновъ вывело его изъ терпѣнія, и онъ
обратился къ нимъ съ забавными угрозами, ко-
торыми молодые люди считаютъ себя въ пра-
въ осыпать дѣшей.

Они отвѣчали на это не человѣческимъ хо-
домъ; Дервиль раскричался, и Полковникъ, по
голосу его, вышелъ съ невыразимымъ военнымъ
хладнокровіемъ на порогъ своей каморки, ме-
жду чуланомъ и комнатою самого скопника.
Старый служивый держалъ воршуту съ корошень-
кимъ чубукомъ трубку, обтянутую чахлому,
поднялъ козырекъ ужасно засаженного карпуза,
и увидѣвъ Адвоката, пошелъ къ нему чрезъ грязь
съ открытой головой безъ парика, и дружески
скомандовалъ мальчишкамъ:

— »Смирно!...«

Тѣ почтительно запили, что показывало власть надъ ними стараго воина.

— »Зачѣмъ вы ко мнѣ не написали?...« сказалъ онъ Адвокапу. — »Спупайте вдоль стѣны, пущь есть вымощенная пропа,« примолвилъ Шаберъ, замѣтивъ нерѣшимость Дервиля, нехотѣвшаго перепачкать себѣ ноги.

Послѣ немногихъ скачковъ Дервиль добрался до порога двери, откуда вышелъ Полковникъ, которому, казалось, было непріятно, что онъ вынужденъ принимать своего Адвокапа въ такой комнатѣ.

Дѣйствительно, въ ней былъ только одинъ стулъ; Графскую постель составляли нѣсколько пучковъ соломы, прикрытыхъ, по челоуѣколюбію хозяйки, двумя или тремя шпалерными обрывками, какіе подкладываютъ подъ себя молочницы въ своихъ пелѣжкахъ.

Полъ былъ просто земляной, усланнѣй свѣжею соломою; а перегородка, возлѣ которой спалъ Полковникъ, въ отвращеніе сырости отъ преснувшихъ, заплѣсневѣлыхъ стѣнъ, задергивалась рогожей. Знаменитая шинель висѣла на гвоздѣ, въ углу стояли двѣ пары изношенныхъ сапоговъ, бѣлья же и слѣдовъ не было, но на столѣ, усѣянномъ червоточинами, лежали бюллетени Главной Арміи, перепечатанные Планшеромъ.

Ясная фізіономія Полковника выражала спокойствіе. Надежда, полученная имъ послѣ

свиданія съ Дервилемъ, и копорюю, по видимому, спрадалецъ поддерживалъ себя, казалось, измѣнила самыя черты его. Онъ былъ здоровъ, не такъ старъ и не споль изувѣченъ.

— »Не беспокоитъ ли васъ пабачный дымъ,« спросилъ Полковникъ, подставляя Дервилю полуразвалившійся стулъ.

— »О, нѣтъ,« отвѣчалъ Дервиль: »однако, Полковникъ, у васъ здѣсь ужасно худо.«

Слова сіи вырвались у Дервиля опъ размышленій, происходившихъ изъ недоувѣрчивости, извинительной Адвокапамъ, и гореспной опытности, рано пріобрѣтаемой ими при видѣ нравственныхъ бореній, коихъ они бывають свидѣтелями.

Вѣрно онъ прапшитъ мои деньги, подумалъ Дервиль, на исполненіе прехъ добродѣтелей спарыхъ воиновъ: на игру, вино и женцинь!

— »Да.... Милоспивый государь, здѣсь почно нѣтъ роскоши это походный бивуакъ Но . . .«

Тупъ Графъ Шаберъ бросилъ пронцапельный взглядъ на Дервиля.

— »Но,« продолжалъ онъ попомъ: »я ни пропивъ кого не виновашъ, никого не оскорбилъ.. и опъ того вездѣ спокоень!...«

Адвокатъ, разсудивъ, что ему не ловко спрашивать у своего кліента опчета въ деньгахъ, сказалъ:

— »Опъ чего же вы не поселились въ самый городъ.. и шамъ жпшь немного дороже...«

— »Все это правда!« опивчалъ Полковникъ: уно мои добрые хозяева призрѣли меня, кормили около года... Опець эгихъ прехъ малюпокъ спарый Египтянинъ (*), видѣлъ пирамиды, а я не выучилъ еще его дѣпей чыпашь... и оставилъ ихъ значило бѣ бытъ неблагодарнымъ.»

— »Однако жѣ за ваши деньги онъ могъ бы лучше помѣспитъ васъ.»

— »Помилуйте! его дѣпи также спяпъ на соломя! У него съ женой поже поспель не завидная!... Вы видипе... Они спѣснены... взяли на себя обязанность сверхъ силъ... выручи я свое состояніе! но довольно объ этомъ...

— »Завтра или послѣ завтра я долженъ получить, Полковникъ, ваши докуменпы, и скажу вамъ прекрасную новость: ваша избавительница еще жива.»

»Чорпъ побери! Вопъ мы и съ деньгами!...«

Съ сими словами онъ бросилъ трубку объ полъ... и какую же... безцѣнную! но это было слѣдствіе весьма еспеспвеннаго великодушнаго порыва.

— »Полковникъ! я долго размышлялъ о вашемъ дѣлѣ, и по моему мнѣнію, полюбовная сдѣла вѣрнѣе формальнаго процесса... я бы сегодня же сходилъ къ Графинѣ Ферранъ, но не рѣшилъ, не предваривъ васъ...«

(*) Такъ называютъ солданы шѣхъ, кошорые были въ Египетскомъ походѣ.

— »Пойдемте вмѣстѣ.«

—»Нѣтъ,« возразилъ Адвокатъ: »вы все испортили... Подумайте напередъ, Полковникъ: ваше дѣло выходитъ изъ обыкновеннаго порядка; оно разрѣшается не столько законами, сколько совѣстью, и требуетъ претейскаго разбора. Противъ васъ ваша жена и другой ея мужъ, люди сильные, которые могутъ имѣть вліяніе на судей. Формальные же процессы... почти безконечны: вы начнете искъ; противники спанутъ оспаривать ваши акты, приплеснутъ бездну вопросовъ постороннихъ при разборѣ дѣла, пойдутъ разногласія, и оно попянется до высшей инстанціи. Вы не дождетесь его окончанія, а судьи врядъ ли приговорятъ вамъ обезпеченіе' и процессъ васъ замучитъ.«

— »Я не погибъ же при всѣхъ несчастіяхъ,« отвѣчалъ Полковникъ... »Но спускайте къ моей женѣ! — я на васъ полагаюсь.«

Графъ Шаберъ проводилъ Дервиля до самой улицы.

Адвокатъ прошелъ нѣсколько шаговъ, чтобъ сѣсть въ свой кабріолетъ, какъ вдругъ присталъ къ нему человекъ, по одеждѣ похожій на скопника.

—»Вы, сударь, конечно родственникъ Г. Шаберу... я бы хотѣлъ сдѣлать вамъ для него предложеніе: знаете ли, что мы приняли его къ себѣ, когда онъ, бѣднякъ, умиралъ съ голоду... въ ту пору я съ женой только что обзаводился нынѣшнимъ хозяйствомъ, купивши эполъ до-

микъ; денегъ у насъ не было; ну, да живучи съ рас-
четомъ, авось изворопимся, думалъ я, а пока на-
давалъ своему продавцу расписокъ, и послѣдней въ
600 франковъ срокъ оканчивался назадъ тому дней
десять... Мы въ самомъ началѣ говорили Пол-
ковнику, что кромѣ хлѣба и молока, ничѣмъ
не можемъ ему служить... На это онъ сказалъ,
что разбогашьешь когда нибудь и за все запла-
тишь. Вы же, кажется, впередъ дали ему де-
негъ... Такъ ли?... Узнавши опъ сѣсѣдей, что
намъ приходишь плохо, онъ собралъ все, что
получилъ опъ васъ, выкупилъ нашу расписку и
опдалъ ее мнѣ... тогда, какъ мы знали, что у
него и шабаку не всегда доставало, самаго важ-
наго!... Каково же!... И послѣ этого мы теперь
его должники. Вы, по его рассказамъ, человекъ
добрый: не откажись ссудить намъ сотню
экю, чтобъ мы могли сдѣлать почтенному жиль-
цу плашье, поубрать его комнапу... Убогая
наша пища, да плохая кварпира, не споятъ
600 франковъ... Мы бы гоповы опъ всего сердца
не молокомъ опблагодарить его... Ручаюсь
честью, что себя заложу, а опдамъ вамъ долгъ
— это также вѣрно, какъ я Луи-Вернье.»

Дервиль, взглянувъ на него, посмотрѣлъ
опять на его домикъ, дворъ, стойла, кроликовъ,
ребятишекъ, и тысячу мыслей пришло ему въ
голову.

— »Ты иногда погуливаешь, мой любезный?«

— »Случается паки, сударь... надобно жъ
многъ разъ повеселишься.«

»И прекрасно!... Ну, я охотно дамъ себѣ, чего просишь... и даже больше, но не опъ себя! Полковникъ: будетъ въ состояніи помогать вамъ, и я не хочу лишать его этого удовольствія.«

— »Но скоро ли того дождемся?«

— »Да, скоро.«

— »Ахъ, какъ я радъ за него!«

И темножелтое лице говоруна, казалось, прояснилось веселостью.

Графъ Ферранъ жилъ въ Варенской улицѣ, занимая одинъ изъ отличнѣйшихъ домовъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстія.

Бывши проспымъ докладчикомъ при Наполеонѣ, онъ вошелъ къ нему въ милость по своему имени и личнымъ достоинствамъ, при возсѣданіи же Бурбоновъ быспро поднялся въ политическую сферу.

Г. Ферранъ сопровождалъ Лудовика XVIII въ Геннъ. Потомъ возымѣлъ сильное вліяніе на Тайный Совѣтъ, въ которомъ онъ былъ Членомъ, и по видимому, мѣшилъ въ Перы или Миниспры. Припомъ, будучи лѣтъ тридцати чепырехъ, милъ, ловокъ, строенъ и вообще пріятной наружности, онъ нравился, и когда женился на Полковницѣ Шаберь, никто этому не удивлялся. Въ то время Графъ Ферранъ былъ небогатъ, но принадлежалъ къ древней парламентской фамиліи, имѣвшей большія связи, и поставленіе, о которомъ упоминалось въ началѣ по-

вѣспи, предоставило ему два владѣнія: такимъ образомъ жена Графа Шабера, вышедъ замужъ по любви, случайно составила вмѣспѣ и выгодную партію.

Графиня была молода, прекрасна, богата, любезна, но избалована похвалами и приучена властвовать, играла роль свѣтской дамы, дышала атмосферою роскоши, величія и безопасности, гдѣ праздники, концерты, суешныя заботы заставляли ее вести жизнь нуспую, безъ размышленій; дѣтей она любила не такъ, какъ мать, а для шона, изъ прихоти, и не измѣняла своему любовнику, бывшему послѣ ея мужемъ, пошому только, что шонъ льстилъ ея самолюбію, былъ въ силѣ, красивъ собой и всегда влюбленъ въ нее.

Графиня походила на многихъ модныхъ женщинъ, копорыя въ душѣ не совсѣмъ были бы чужды добрыхъ наклонностей, но испорченныя дурнымъ воспитаніемъ, лестною, госпинною жизнью, становящяся въпрены, насмѣшливы, полагаются слишкомъ на свою красоту, всѣмъ пренебрегаютъ и жаждутъ увеселеній.

И такъ жена Графа Шабера, захвативъ все его имѣніе, кружилась въ вихрѣ блестящаго общества, въ нѣдрахъ великолѣпія, тогда какъ несчастный мужъ ея влчилъ дни въ грязномъ домишкѣ между живошными и скопипкомъ.

Изъ всего этого Адвокатъ выводилъ по замѣчаніе, что пригожая женщина не захочетъ узнать даже и любовника, если онъ покажется

въ спарой шинели, парикъ и испасканныхъ сапогахъ!

Дервиль принять былъ Графинею въ зимней столовой, гдѣ она изволила завтракать, играя съ обезьяной, привязанной къ столбику.

— »Здравствуйте, Г. Дервиль!« сказала она, продолжая поить обезьяну кофеємъ.

Графиня была очаровательна въ упреннемъ плащѣ; волосы, небрежно подобранные къ верху, упали изъ-подъ чепчика, придававшего ей важный видъ. Золото, серебро, перламуть сіяли на прелестномъ столкѣ; кругомъ благоухали цвѣты въ фарфоровыхъ вазахъ.

Адвокатъ улыбался, глядя на эту картину, но улыбка его была язвительна и злобно выражала идеи вполонну философскія, вполонну насмѣшливыя, приходящія на умъ симъ людямъ, по должности своей обязаннымъ видѣть правду, познавать сущность вещей, не смотря на ложь, коею каждый прикрываетъ свое состояніе. Росповщикъ, Докторъ, Адвокатъ, въ житейскомъ быту, суть при великіе жреца истины.

— »Графиня!« сказалъ Дервиль сухо, оскорбленный холоднымъ тономъ, съ которымъ она его встрѣшила: »я пришелъ поговорить съ вами о весьма важномъ дѣлѣ...«

— »Ахъ! вы приводите меня въ опчаяніе.... Графа нѣтъ дома.«

— »Тѣмъ лучше, потому, что, бывши при нашемъ разговорѣ, онъ пришелъ бы въ опчая-

ніе. Вы опть прехъ словъ моихъ задумаешесь: Графъ Шаберъ живъ.»

Она расхохоталась.

— »И такими шутками вы хопите заставить меня задуматься!» сказала Графиня, но была смущена необыкновеннымъ взглядомъ Адвоката, показывавшимъ, что онъ твердо въ своихъ словахъ увѣренъ и внутренно надъ нею смѣется.

— »Графиня!« произнесъ онъ съ холодно-колкою важностью: »вы видно не знаете всей угрожающей вамъ опасности? Начну съ того, что доказательства, неподверженные ни малѣйшему сомнѣнію и ничѣмъ неоспоримыя, удостовѣряютъ о существованіи Графа Шабера. Вы проиграете процессъ, рѣшившись ложно опровергать это актомъ о его смерти, и второй вашъ бракъ непременно признаютъ ничтожнымъ; но ваше несчастіе и стыдъ будутъ не въ томъ. Вы получили все состояніе отъ Графа Шабера, и не любили его, слѣдуя прихотямъ сердца, а не законамъ, установленнымъ отъ Бога и Правительства; теперь докажутъ, что онъ писалъ къ вамъ гораздо прежде испеченія назначеннаго Уложеніемъ срока, послѣ котораго вдова можетъ выйти за другаго..«

— »Эпо, сударь, вздоръ!« закричала она съ запальчивостью кокешки: »я никогда не получала писемъ Графа Шабера, и томъ, кто называетъ себя этимъ именемъ, вѣрно какой нибудь мошенникъ, сорвавшійся съ висѣлицы..«

— »По счастью, мы здѣсь одни, и никто намъ лгать не мѣшаетъ... Но скажу вамъ, что есть свидѣтельство о полученіи вами перваго письма: оно было не простое, а съ приложеніемъ.«

— »О! что до этого..., то.«

Графиня вдругъ оspanовилась съела вспыхнула . . . поблѣднѣла . . . закрыла лице руками, и потомъ, забывъ спыдливоспъ, сказала съ хладнокровіемъ, свойственнымъ одиѣмъ женщинамъ:

— »Ну что жъ? процессъ, вотъ и все. Вы, сударь, Адвокатъ мнимаго Полковника, такъ прошу васъ убѣдить меня юридически... Скажите, можетъ ли возвратиться Графъ Шаберь, когда самъ Бонапарте чрезъ Флигель-Адьютанта удоспощь меня увѣдомленіемъ объ его смерти, и когда я по сю пору получаю, какъ вдова, 3-п. Франковъ, опредѣленныхъ высшимъ начальствомъ? У меня есть множество доводовъ проптивъ всѣхъ Шаберовъ, которые являлись или впередъ явятся. Ну, если одинъ изъ нихъ и писалъ ко мнѣ, то что изъ этого слѣдуетъ?....«

— »То, что вы получали его письма,« возразилъ Адвокатъ: »и потому напрасно изволили поропиаться замужствомъ. Начавъ формальную тяжбу, мы найдемъ средства вырвать у васъ собственное сознание. . . . Но я хочу пощадить васъ отъ позорнаго процесса . . . полюбовною сдѣлкой вы можете опвратить гибельныя послѣдствія... оскорбленіе чести... званіе дѣшей вашихъ, прижитыхъ внѣ законнаго

брака! Вспомните: вы причинили своему благодѣтелю ужасныя страданія... Что скажете свѣшь! Адвокаты краснорѣчивы, когда правая сторона сама за себя говоритъ... О! у насъ есть ходкія перья, которыя умѣютъ объяснять права... и святое право Полковника Графа Шабера будетъ для васъ убійственно — предастъ самое имя ваше всеобщему поруганію; ни какія силы не власны оспановить исполненія правосудія: подтвердительныя акты уже здѣсь, и хотите ли слышать мое мнѣніе, по чиспой совѣсти? Несчастные, перьяшіе голову на эшафотъ, по справедливому приговору Суда, несравненно меньше васъ виновны: они покушались на преступленіе, чтобъ не умереть съ голоду, вы же девять мѣщъ терзали своего мужа несмыханными муками; тысячи смертей наносили ему... и все это умышленно, да, умышленно! Вы получили отъ него четыре письма, и видѣли его посланнаго...»

Графиня помертвѣла!...

»Не знаю, согласился ли Полковникъ на сдѣлку, но онъ васъ любитъ!« При семъ словѣ Графиня подняла голову; въ глазахъ ея блеснулъ лучъ надежды, которую она, можетъ быть, основывала на слѣпой любви къ ней перваго мужа.

— »Буду ожидать вашего отвѣта, чтобы знать рѣшительно, надобно ли объявить вамъ наши акты, или вы разсудите чрезъ три дня пріѣхать ко мнѣ для предварительнаго заготовленія сдѣлки.«

§ IV.

Домъ призрѣнія убогихъ.

Въ прекрасное Юнское утро, спустя недѣлю послѣ двухъ посѣщеній, сдѣланныхъ Г. Дервилемъ, супруги, столь спрашно и почти по сверхъестественному случаю разошедшіеся, оправились съ противоположныхъ сторонъ города, для свиданія, въ контору общаго ихъ Адвокаша.

Полковникъ Шаберъ, съ помощію великодушной ссуды Г. Дервиля, одѣтъ былъ сообразно своему званію, и пріѣхалъ въ весьма порядочномъ кабриолетѣ, выбритый, въ парикѣ, прировненномъ къ его фizioноміи, въ плащѣ сняго сукна, новыхъ сапогахъ, чистомъ бѣльѣ и съ крестомъ на золотой пряжкѣ. Въ немъ ожили прежнія привычки военной молодцовости. Онъ держался прямо, казалось помолодѣлъ, и вовсе не былъ похожъ на Шабера въ изношенной шинели, какъ спарое су на 40-ка-Франковую монету, шолько что выбитую.

При видѣ его, проходящіе легко узнавали въ немъ одного изъ величественныхъ оспашковъ прежняго войска, одного изъ героевъ, на коихъ отражается народная слава, и копорые сунъ ея представили; такъ зеркало, освѣщенное солнцемъ, отбрасываетъ всѣ лучи его. Старые войны — живыя каршины и дѣшописи.

Важное и таинственное лице Полковника,

вѣролпно, отъ лучшей лица пополнѣло; въ чертахъ изображалось довольство со всѣми его надеждами, и онъ выпрыгнулъ изъ кабриолета, какъ человекъ молодыхъ лѣтъ.

Вслѣдъ за нѣмъ прикачила къ Дервилеву подъвзду прелестная карета, украшенная гербами.

Графиня Ферранъ вышла въ блескъ одежды простой, но ловко сшитой и выдававшей всю гибкость спройнаго спана. На ней былъ мнеленькій капотъ, подбитый розовой матеріей, которій, обхватывая ее, обрисовывалъ округлости и вмѣстѣ придавалъ ей всѣ обольщенія молодости. Въ этой встрѣчѣ представлялась смѣсь драматическаго съ комическимъ; она показалась бы еще разительнѣе, если бъ законный супругъ явился въ прежнемъ своемъ рубищѣ, но и теперь была не безъ занимательности. Какая сцена внутри мрачной конторы!...

Писцы, увидѣвъ сперва Полковника, попомощь Графиню Ферранъ, завели на счетъ ихъ безконечные толки и споры.

Г. Дервиль попросилъ Полковника побыть въ его спальнѣ, а самъ оспался съ Графинею.

— »Не знаяши, пріятно ли будетъ вамъ видѣть Его Сіятельство Графа Шабера, я помѣспилъ васъ въ разныхъ комнатахъ... Но ежели прикажете...«

— »О, благодарю за вниманіе...«

— »И такъ, Графиня, я приготошилъ актъ, условія котораго вы вольны принять или оп-

вергнушь, и теперь же можете обсудить ихъ вмѣстѣ съ своимъ супругомъ; я попеременно буду передавать вамъ отъ одного другому ваши возраженія.»

— «Посмотримъ,» сказала Графиня съ видимымъ нетерпѣніемъ.

8 Марта, въ конторѣ Г. Дервиля, Адвоката и проч. явились:

«Г. Гіацинтъ Шаберъ, рожденный въ Парижѣ 1 го Іюля 1765 года, и крещенный 2-го числа того жъ мѣсяца въ Воспитательномъ домѣ на другой день его приноса, и Г-жа Роза Шапель, по первому браку супруга Графа Шабера, урожденная...»

— «Довольно!» возразила Графиня: «къ чему эти предисловія?... обратимся къ дѣлу.»

— «Предисловіе,» сказалъ Адвокатъ: «вкратцѣ объяснимъ взаимныя отношенія ваши другъ къ другу; запомнимъ въ первомъ пунктѣ, вы признаете, что лице, означенное въ актахъ, приложенныхъ къ сей сдѣлкѣ, и описанное въ присутствіи трехъ свидѣтелей, есть Графъ Шаберъ, первый супругъ вашъ.

«Впорымъ пунктомъ онъ обязывается не предъявлять вашего признанія, исключая только случая, объясненнаго въ самой сдѣлкѣ.

— «И этотъ случай,» прибавилъ Дервиль въ видѣ вводныхъ словъ: «есть собственно несоблюденіе постановляемаго договора.»

— «Сверхъ того Графъ Шаберъ,» продолжалъ Дервиль: «соглашается не опровергать акта о

его смерти, не домогаться расторженія впрочемъ брака, не смотря на его ничтожность, въ которой бы вы сами принуждены были сознаться по суду, и оставяетеъ васъ при настоящемъ владѣннн.»

— »И что же за все это?...« спросила удивленная Графиня.

— »Пунктъ претнй,« сказалъ Адвокатъ съ непоколебимымъ хладнокровнмъ: »обязываетъ васъ предостаплить Графу Шаберу пожизненный доходъ въ 24 т. франковъ, внесенныхъ въ Сохранную казну, съ тѣмъ, что самый капиталъ допланяется вамъ послѣ его смерти...«

— »Дорого же обходятся покойники!...« сказала Графиня съ смѣхомъ.

— »Но не зависящъ ли отъ того ваши выгоды?«

— »Хорошо, хорошо, если мнѣ будетъ доказано, что нѣтъ, чье право вы отстаиваете, почто Графъ Шаберъ, я согласна...«

— »Вы успѣете, Графиня, узнать его, потому, что онъ помѣщаетъ въ свою пользу еще одну статью...«

Дервиль колебался, « статью, отъ которой я никакъ не могъ отклонить его.»

— »Что, что такое?« спросила Графиня съ сильнымъ любопытствомъ.

— »Онъ настаиваетъ, чтобы по крайней мѣрѣ два дня въ мѣсяцъ принимали его какъ мужа.«

— »О, ужасъ!« вскричала Графиня, вскочивъ со стула.

— »Онъ пребоваль еще болѣе, но я уже...«

— »Довольно, довольно,« сказала она: »мы будемъ вести процессъ!...«

— »Да, мы будемъ вести процессъ,« произнесъ глухимъ голосомъ Полковникъ, распоривъ двери и явившись передъ женою.

Онъ стоялъ неподвижно съ видомъ суровымъ, неумолимымъ; одну руку держалъ въ жилетъ, другую же, обращенною внизъ, указывалъ на полъ, и эшопъ жестъ казался ужаснымъ.

— »Такъ, это онъ!...« подумала Графиня.

— »Теперь, сударыня,« продолжалъ старый воинъ: »я хочу, чтобы вы вполне мнѣ принадлежали, и не намѣрень дѣлились.«

— »Да это совсѣмъ не Полковникъ Шаберъ,« выговорила Графиня, прищворясь удивленною.

— »А!...« сказалъ старикъ самымъ насмѣшливымъ тономъ: »вамъ угодно доказательствъ?... Извольте: я увидѣлся съ вами первый разъ у Графа Жильбера, — вы были горничною его жены.«

Графиня даже изъ-за румянъ поблѣднѣла, и Полковникъ, видя спраданіе женщины, нѣкогда любимой имъ пламенно, остановился, но встрѣпивъ змѣнный взглядъ ея, прибавилъ:

— »Кромѣ меня, могъ ли кто знать это, ну что же? Вамъ нужны еще сильнѣйшія убѣжденія? Пожалуй. Не я ли одинъ опучалъ васъ отъ милыхъ привычекъ?...«

— »Увольте меня, сдѣлайте одолженіе,« сказала Графиня Адвокату: »я пріѣхала не за тѣмъ, чтобъ слушать такія дерзости.«

Она вспала и вышла.

— »Вотъ какъ, Полковникъ, вы ведете свои дѣла,« молвилъ Адвокатъ.

Дервиль бросился въ контору, но ужъ тамъ не было Графини; она какъ будто улетѣла на крыльяхъ; возвратившись, онъ нашелъ Полковника въ совершенномъ испушеніи, ходившаго большими шагами по комнатѣ.

— »Женщина, которой я доставилъ миліонъ... и которая со мной поргуется... которая желала быть моею женою... и измѣнила мнѣ... я убью ее!...«

— »Не имѣлъ ли я причины просить васъ, Полковникъ, не показываться?... Я теперь увѣренъ, что вы точно Графъ Шаберъ: съ вашимъ появленіемъ, по ея движенію было видно, что она въ томъ не сомнѣвается... но вы все испортили.. «

— »Я убью ее!...«

— »Глупости! васъ схващятъ и предадутъ казни, какъ преступника... да можетъ быть, вы еще и промахнетесь, что было бы непроспительно; въ такихъ случаяхъ ужъ промаха давать не надобно.. однако жъ предоставьте мнѣ поправить вашу ошибку... и спускайте...«

Простой, добрый Полковникъ, повинувшись своему юному благодѣтелю, вышелъ съ извиненіями.

Онъ спускался по ступенямъ черной лѣ-
спницы, перяясь въ мрачныхъ мысляхъ, удару-
ленный новымъ, жесточайшимъ ударомъ, нанес-
шимъ самую глубокую рану его сердцу,— какъ
вдругъ, на послѣдней площадкѣ, послышался ему
шорохъ платья, и предъ нимъ очутилась его
жена

»Пойдемте!« сказала она, взявъ его за руку
съ знакомымъ ему нѣкогда движеніемъ.

Эпопѣя жестъ, эпопѣя голосъ, эпопѣя выго-
воръ произвели на неисповснво, клокопавшее
въ душѣ бѣднаго мужа, дѣйствіе, подобное тому,
какое производитъ капля холодной воды, пу-
щенная въ кощель, наполненный парами.

Весь гнѣвъ въ немъ пропалъ... Онъ обо-
мѣлъ и далъ себя увлечь до самой коляски.

— »Что жъ вы?... садитесь!« сказала Графи-
ня, когда лакей развернулъ подножки.

И Полковникъ, какъ бы перенесенный вол-
шебствомъ, сидѣлъ возлѣ жены въ прекрасномъ
экипажѣ.

— »Куда прикажете?« спросилъ слуга.

— »Въ Грослей!« отвѣчала она.

Лошади понеслись по городу.

— »Послушайте!« произнесла Графиня тѣмъ
тономъ, который пробуждаетъ ощущенія рѣд-
кія въ жизни, волнующія въ насъ всю кровь: то-
гда сердце, нервы, физіономія, душа и тѣло,
каждый мускуль приходитъ въ сопряженіе; мы
не знаемъ, въ какую область улетаетъ жизнь на-
ша, но кажется, не чувствуемъ ея: она изли-

вається потоками. Сіе попрясеніе пропиводей-
спвуєть и сообщается подобно заразѣ: пер-
дается словомъ, взглядомъ, произношеніемъ, ми-
ной, наполняетъ воздухъ, дѣлаенся магнетиче-
ской силой. Такъ содрогнулся и старый Графъ,
услыша первое, роковое: послушайте!

Но шуть заключались упрекъ, просьба,
прощеніе, надежда, отчаяніе, вопросъ, оцѣвть;
и женщина могла придать одному слову столь-
ко краснорѣчія и чувствва — женщина, неимѣющая
сердца!

Полковникъ терзался за свои сомнѣнія,
требованія и запальчивость, и опустили гла-
за съ намѣреніемъ скрыть смущеніе.

— «Послушайте!» повпорила Графиня послѣ
непримѣтнаго молчанія: «я васъ узнала...»

— «Розина!» вскричалъ добрый сцарикъ: «пы
заставляешь меня позабыть всѣ мои несчастія.»

Онъ утеръ двѣ крупныя, горячія слезы
упавшія на руки жены его, которыя онъ жалъ
съ родительскою нѣжностію.

— «И вы не догадались, какъ мнѣ тягостно
было такое непріятное положеніе передъ по-
стороннимъ»; пусть буду я стыднись за себя
въ своемъ семействѣ, если ужъ это необходи-
мо... Въ нашихъ сердцахъ должна быть погре-
бена моя тайна... вы, надѣюсь, простите мнѣ
мое наружное невниманіе къ бѣдствіямъ Графа
Шабера, существованію котораго я въ правѣ
была не вѣрять...

«Точно я получила ваши письма,» прибавила

онъ съ живостью, предусматривая по чертамъ мужа возраженіе... »но посмотри бы вы на нихъ! Они дошли до меня слишкомъ чрезъ годъ послѣ Эйлаускаго сраженія, незапечатанныя, запачканныя; между тѣмъ контрактъ на новый бракъ мой утвержденъ былъ надписью самого Наполеона: какъ же мнѣ не полагать, что какой нибудь ловкій плутъ просно вздумалъ подсмѣяться надо мною... Чтوبъ не нарушать спокойствія Графа Феррана и не порвать семейственныхъ узъ, я обязана была взять предосторожности противъ мнимаго Шабера... и не имѣла ли достаточной причины... судите сами.»

— »Да, ты права! я дуракъ, глупецъ, не умѣлъ сообразить порядочно всѣхъ послѣдствій... Но куда мы ѣдемъ?« примолвилъ Полковникъ, примѣняя заспау...

— »На мою дачу, около Грослей, въ Монморанси.... Тамъ мы вмѣстѣ подумаемъ, что намъ предпринять... я знаю свои обязанности... знаю, что я ваша по праву, хотя и принадлежу теперь другому... Но неужли вы желаете, чтобъ мы сдѣлались сказкою Париза... всей Европы?... Когда вы рѣшите мою участь, я покорюсь вашему приговору, но до того и прежде огласки нашей романтической исторіи, сохраните свое достоинство.

»Вы еще любите меня,« сказала она, бросивъ на Полковника помный и вмѣстѣ нѣжный взглядъ: »вамъ извѣстно, что мнѣ можно было

вступитъ въ другія обизательства... Потому не ввѣришься благородству вашего характера... Я люблю Г. Феррана, не оишь того, что онъ оль молодъ и мнѣ нравится: нѣтъ, будь онъ старикъ, я, кажется, несравненно больше бь его любила, и счишаю себя въ правѣ любить его... я не спыжусь этого признанія... Оно васъ оскорбляетъ, но не безчеститъ... я смолрю на васъ, какъ на оица, какъ на друга; иайный голосъ или добрапа ваша, столько разъ мною испыпанная, увѣряетъ меня, что вы по великодушію мнѣ просиште эту неприятную для васъ опкровенность... Къ чему я спану пришворяюсь?... могу ли скрыть предъ вами свои чувства: я осмѣливаюсь васъ избрать моимъ судьбою, и оидаюсь на вашу волю... Случай оставилъ меня вдовою.... но не маперью, которою я сдѣлалась въ послѣдствіи...»

Полковникъ движеніемъ руки просилъ жену переспашь, и они поѣхали молча. Шаберу казалось, что онъ видитъ дѣшей ея....

— »Розина!«

— »Что такое?«

— »Глупо мертвецамъ возвращаться къ женамъ!«

— »Опъ чего же! не принимайте меня за неблагодарную: конечно, вмѣсто жены, вы видите мать, и хопя не въ моей власпи любить васъ, но я знаю, чѣмъ одолжена вамъ, и гошова отвѣчать всею нѣжностью...»

— »Розина!« прервалъ Полковникъ съ кро-

постыю: »я не имѣю ни малѣйшаго неудовольствія . . . и если предлагалъ шебѣ жеспокія условія, то изъ мщенія за то, что ты не приняла участія въ моихъ бѣдспвіяхъ.«

Графиня покраснѣла . . . и старикъ, удивленный ея спыдливоспвію, воображалъ себя счастливымъ, находя въ ней спвойспва, плѣнявшія его нѣкогда.

— »И все позабуду,« прибавилъ онъ съ улыбкою, отражавшею въ себѣ прелестную душу... »я не такъ грубъ, чтобъ смалъ добиваться наружныхъ знаковъ любви, копорой не раздѣляюшь со мною.

»Въ спранномъ пребованіи моемъ я находилъ лишь сладость меспи. . . хотѣлъ бытъ живымъ угрызениемъ вашей совѣспи, омрачаешь ваше счастье мыслью, позоромъ...«

Графиня бросила на него взглядъ, споль живо выражавшій признапельность, что бѣдный Шаберъ готовъ былъ снова закопаться въ могилу.

Есть люди съ возвышенными чувствами, допускающими такіа пожертвованія: они дорого цѣнятъ каждый взглядъ, каждое слово; обспояпельспва, ничтожныя въ понятіи большей части людей, оспавляютъ въ нихъ навсегда неизгладимыя впечатлѣнія... Чистыя, благородныя души!

— »Обо всемъ этомъ мы поговоримъ послѣ съ покойнымъ духомъ,« сказала Графиня.

Разговоръ принялъ другой оборотъ, и хо-

тя она часно обращалась къ необыкновенному своему положенію прямо или намѣками, но ѣхали они весьма пріятно, припоминая прежній ихъ союзъ и разные случаи, относившіеся къ бывшему Правительству. Графиня умѣла придашь воспоминаніямъ особенное очарованіе, набрасывая на нихъ меланхолическую краску, что поддерживало важность насюющей сцены. Она оживляла любовь, не возбуждая ни какихъ желаній, и открывала первому супругу пріобрѣтенныя ею нравственныя богатства, которыя опчаспи должны были составлять и его счастье.

Наконецъ окольной дорогой пріѣхали къ нарку, въ небольшую долину, отдѣляющую высоты Морганскія отъ красивой деревни Грослей. Тамъ у Графини былъ прелестный домъ, гдѣ Полковникъ, по пріѣздѣ своемъ, увидѣлъ заблаговременно сдѣланныя приготовленія къ пріятію ихъ обоихъ.

Несчастіе увеличиваетъ недовѣрчивость и злобу людей черствыхъ; одаренныхъ же въ полномъ смыслѣ превосходнымъ сердцемъ, дѣлаешь еще добрее; это въ своемъ родѣ талисманъ, коего сила состоитъ въ укрѣпленіи природныхъ свойствъ нашихъ: такъ и Полковникъ, посвященный въ тайны неиспытанныхъ другими спраданій, былъ расположенъ къ добру болѣе прежняго. Однако жъ со всемъ тѣмъ не могъ не спросить у жены:

— »Вы ужъ напередъ думали пріивести меня сюда?«

— »Да!« отвѣчала она: »въ случаѣ, если найду въ васъ почто Графа Шабера.«

И расхохоталась пакъ чистосердечно, по видимому, что Полковникъ внутренно раскаивался въ своемъ подозрѣніи.

Графиня при дня была къ нему чрезвычайно внимательна. Своею заботливостью, кротостью и ласкою, она, казалось, хотѣла истребить изъ его памяти все имъ претерпѣнное. Она очаровала его.

Въ претій день вечеромъ, не смотря на всѣ усилія Графини, черты ея выражали безпокойство; подойдя къ письменному столу, она сняла съ себя носимую передъ Шаберомъ веселую маску, подобно актрисѣ, которая, послѣ упоминательнаго пятаго акта, забравшись въ свою ложу, падаетъ полмертвою и кажется непохожею на саму себя.

Она схватила недописанное письмо и докончила его.

Графъ Ферранъ, имѣя значительное состояніе, взялъ къ себѣ, для управленія онымъ, разорившагося Адвоката Дельбека, человека ловкаго, удивительно хорошо знавшаго всѣ ябедническіе крючки, и до чрезвычайности смѣтливаго. Записной плутъ понималъ свое положеніе при Графѣ, и для собственной выгоды отлично велъ его дѣла. Онъ надѣялся посредствомъ своего покровителя добиться почетнаго мѣстечка, и наставляющимъ поведеніемъ такъ прикрывалъ старые грѣхи, что его считали даже невинно оклеве-

паннимъ. Но Графиня, по тонкости, свойственной женщинамъ, постигла его, и строго за нимъ наблюдала.

Она умѣла съ нимъ обходиться, и не разъ пользовалась его совѣтами. Написанное ею письмо адресовано было къ нему, и заключало въ себѣ порученіе сходить тайно къ Г. Дервилю, и, ея именемъ выпросивъ акты Полковника Шабера, списать ихъ со всею точностію, а потомъ пріѣхать на ея дачу въ Грослей.

Едва кончивъ письмо, Графиня услышала по коридору шаги ея мужа, шедшаго къ ней съ безпокойствомъ.

— «Ахъ,» воскликнула она: «я бы желала умереть! участь моя ужасна...»

— «Что съ вами?»

— «Такъ, ничего,» отвѣчала она и, вспавъ, вышла въ другую комнату и послала служанку съ письмомъ къ Дельбеку, приказавъ, по прочтеніи того письма, принести его назадъ.

Служанка оправилась, а Графиня съѣла въ саду такимъ образомъ, что Полковникъ почти не увидѣлъ.

— «Розина,» сказалъ онъ: «вы огорчены чѣмъ-то?»

Она молчала.

Вечеръ былъ тихій, величественный, одинъ изъ тѣхъ, коихъ тайная гармонія сообщаетъ сколько уладительной прелести захожденію солнца; чистый воздухъ вѣялъ свѣжестью; кругомъ царствовало совершенное безмолвіе, ко-

торое лишь изрѣдка прерывалось въ углубленіи парка дѣпскими голосами, придававшими какую-то мелодію изяществу мѣстной карпнины.

— »Вы мнѣ не отвѣчаете,« сказалъ Полковникъ.

— »Мой мужъ....« произнесла Графиня.

Она остановилась, сдѣлала движеніе и покраснѣвъ, спросила:

— »Какъ должна я называть Г. Феррана, говоря о немъ?«

— »Называй его своимъ мужемъ, другъ мой,« отвѣчалъ Полковникъ, съ неизъяснимою добропою. »Вѣдь онъ отецъ твоихъ дѣпей.«

Заслуженный воинъ вздохнулъ.

— »Г. Ферранъ!« продолжала она: »спрашиваетъ меня, зачѣмъ я здѣсь.... и что скажу ему, когда до него дойду, что у меня живетъ посторонній..«

— »Послушайте,« прибавила вдругъ Графиня съ важностію: »рѣшите мою участь; я на все готова...«

— »Другъ мой!« сказалъ Полковникъ, схвативъ руки жены своей: »я рѣшился совершенно пожертвовать собою для твоего счастья...«

— »Это невозможно!« вскричала она въ судорожномъ движеніи: »тогда вамъ надобно бы было опречься отъ самого себя и *формальнымъ образомъ*...«

— »Какъ? моего слова вамъ недостало?«

Сцена сія представляла нѣчто поразительное, и въ глубинѣ обихъ душъ происходила са-

мая ужасная драма, какую только можно вообразить себѣ.

Слова: *формальнымъ образомъ*, легли на сердце старика и невольно пробудили подозрѣнія. Онъ успремилъ на жену спокойный, благородный взглядъ, приведшій ее въ краску и заставившій потупить взоры. Полковникъ боялся, что принужденъ будетъ презирать его, тогда, какъ Графиня превожилась шѣмъ, что раздражила скромность и спругую честность Шабера, коего великодушный характеръ и первобышняя добродѣтели она хорошо знала. Сии мысли, только что въ нихъ зараждавшіяся, омрачали ихъ лица.

Впрочемъ скоро возстановилось между ними прежнее согласіе. Вдали раздался дѣтскій крикъ.

— «Юлій! не пронь сестры...» громко сказала Графиня.

— «Какъ, и ваши дѣти здѣсь!»

— «Да... но я запретила имъ васъ беспокоить.»

Старый воинъ понялъ всю тонкость ея поспулка, всю прелестъ спыдливой женской ловкости, и взявъ Графиню за руку, сказалъ:

— «Позвольте имъ прійти сюда.»

Маленькая дочь прибѣжала жаловаться на брата.

— «Маменька!»

— «Маменька!»

— «Эпо онъ...»

— «Нѣтъ, эпо она.»

Дѣти пропянули рученки къ матери и голоса ихъ слылись вмѣстѣ... Эта картина была внезапна, восхищительна!...

—»Вопль обезславленные дѣти! они этого еще не понимающъ,« воскликнула Графиня, удерживая слезы.

—»Вы, что ли, заставляете плакать маменьку?« сказала Юлій, сердито взглянувъ на Полковника.

— »Замолчи!« произнесла Графиня повелительно.

Дѣти остановились, смотря съ невыразимымъ любопытствомъ на мать и незнакомца.

— »Да,« вскричалъ Полковникъ, какъ бы договаривая фразу, мысленно начашую: »я долженъ опять зарыться въ могилу... «Я уже рѣшился на то...«

— »Могу ли я принять такое пожертвованіе?« сказала Графиня. »Положимъ, нѣкоторые умирали для спасенія чести своихъ женъ, но они разъ жертвовали жизнью... а вы хотите умирать ежедневно... нѣтъ! это невозможно: если бѣ дѣло шло объ одномъ вашемъ существованіи, такъ бы ничего еще; но опречившись отъ своего имени, вы должны будете каждый часъ говорить неправду.. подумайте... нѣтъ, я отвергаю это... не будь у меня дѣтей, я бы скрылась съ вами на край свѣта...

— »Но,« возразилъ Шаберъ: »развѣ я не могъ бы жить здѣсь, хоть въ шой бесѣдкѣ, какъ вашъ родственникъ? Я ни на что не гоюсь, какъ

спарая пушка... мнѣ бы хопъ немного табаку, да политическій Журналь...»

Графиня залилась слезами.

Между нею и Графомъ Шаберомъ происходило великодушное бореніе, однако жъ Графъ вышелъ побѣдителемъ.

Вечеромъ, видя свою жену, или лучше ска-
зашъ, махъ въ кругу дышекъ, и оболщенный
прогашельною семейною карпиною, на дачь, въ
пищи, у огонька, онъ рѣшился остаться мерп-
вымъ и, не опасаясь формальнаго опреченія,
спросилъ, какъ присунить къ тому, чпобъ
упрочить ея благополучіе.

— »Дѣлайте какъ хопите,« отвѣчала Графи-
ня: »но объявляю вамъ, чпо я ни сколько не бу-
ду и не должна въ это вмѣшиваться.«

Дельбекъ прѣхалъ предъ симъ за нѣсколько
дней, и слѣдуя словесному наспавленію Графини,
успѣлъ вкрассться въ довѣренность Полковника,
и такъ въ слѣдующее утро оба они отправи-
лись въ Сенъ-Ле-Таверни, гдѣ Дельбекъ приго-
повилъ у Нотаріуса актъ въ такихъ поспыд-
ныхъ выраженіяхъ, чпо Шаберъ, прочитавши
его, опрометью выбѣжалъ отъ Нотаріуса,
крича:

— »Громы небесные! какъ жестоко я обма-
нутъ!... выдавать меня за самозванца!«

— »Милостивый государь!« сказалъ ему Дель-
бекъ: »я самъ не совѣтую вамъ подписывать:
на вашемъ мѣстѣ я по крайней мѣрѣ выгадаю

бы ишуть 10 п. ливровъ ежегоднаго дохода...
Графиня не поспоришь.»

Полковникъ бросилъ поражающій взглядъ на заслуженнаго бездѣльника и, волнуемый тысячью прошивныхъ чувствъ, скрылся, какъ бы получивъ всю бодрость юности. Онъ снова спалъ недовѣрчивъ, раздражшелемъ. Прибѣжавъ въ Грослейскій паркъ сквозь проломъ обрушившейся стѣны, сѣлъ онъ подъ кіоскомъ, откуда видна была дорога въ Сен-Ле, потомъ тихими шагами пробрался къ комнатѣ, сдѣланной въ искусственномъ утѣсѣ, на коемъ находился кіоскъ; аллея усыпана была мягкимъ красноватымъ пескомъ, и сидѣвшая въ той комнатѣ Графиня лицомъ къ дорогѣ не слыхала Полковника, шедшаго съ противоположной стороны; и могъ ли обратитъ ея вниманіе малѣйшій шорохъ, когда она была въ величайшей тревогѣ, занимаясь послѣдствіями своихъ умысловъ. Тотъ также не примѣтилъ надъ собой Графини.

— »Ну, что? подѣлалъ ли онъ?« спросила она Дельбека, увидя его одного, перепрыгнувшаго черезъ заборъ подобно волку...

— »Нѣтъ, Ваше Сіятельство, не знаю, что съ нимъ сдѣлалось! спарал кляча спала на дыбы.«

Полковникъ, ощутивъ въ себѣ всю силу, перескочилъ въ одно мгновеніе ровъ, опдѣлявшій его отъ доспойнаго Адвоката, и влѣпилъ ему двѣ полновѣсныя пощечины, какія когда либо доемалъ его браши.

— »Прибавъ же, что спарыл клячи умѣють

и брыкашья,» сказала Графъ. Между тѣмъ гнѣвъ его поутихъ, и онъ не могъ уже возвратиться прежней дорогой, а долженъ былъ идти къ кіоску чрезъ ворота парка, и наконецъ вошелъ въ бесѣдку, въ коей зеркальныя стекла представляли пѣвнищельныя окрестности долины. Графиня сидѣла на стулѣ, сохраняя совершенное спокойствіе, такъ, что по физиономіи нельзя было проникнуть ея мыслей. Она упирала глаза, какъ будто бы предъ симъ плакала, и разсѣянно вертѣла длинную розовую ленту, бывшую на ея бѣломъ платьѣ въ видѣ пояса...

Не смотря однако жъ на всю увѣренность въ себя, она содрогнулась, видя вѣрнаго, праводущаго война, стоявшаго предъ нею со сложенными руками и спрогимъ челомъ.

— »Сударыня!...« сказалъ онъ, быстро посмотрѣвъ на нее съ минутой, и принудивъ ее покраснѣть... »сударыня! я не обременяю васъ проклятіемъ... но... презираю!... Теперь же я весьма радъ, что случай насъ разводитъ... и даже не имѣю желанія мстить вамъ, потому, что не люблю васъ... ничего не хочу отъ васъ... ваши дѣти не будутъ преданы позору... живите спокойно, положась на мое честное слово: оно свяще маранья всѣхъ вашихъ законниковъ... не стану хлопотать о своемъ имени, которое я, можетъ быть, покрылъ славою. Я не Графъ Шаберъ, а просто бѣднякъ Гіацинтъ, буду искать только мѣста... гдѣ бѣ было солнце... и жить воспоминаніями... прощайте!..«

Графиня бросилась къ ногамъ Полковника и хотѣла было удержатъ его за руки, но онъ опшикнулъ ее съ отвращеніемъ, сказавъ:

»Оставьте меня.«

Графиня сдѣлала неизъяснимый жестъ, слыша, что мужъ ея уходитъ, но по глубокой дальновидности, происпекающей изъ величайшаго злодѣйства и лютаго эгоизма, воображала, что спокойно проживетъ вѣкъ по общанію мужа.

Шаберъ въ самомъ дѣлѣ скрылся, и долго ни Графиня, ни Дервиль не знали, куда онъ дѣвался; скопникъ обанкрутился и пошелъ въ кучера; можетъ быть, и Полковникъ, довольствуясь малымъ, избралъ какую нибудь въ этомъ родѣ промышленность, или, подобно камню, брошенному въ пучины, попадалъ изъ волны въ волну, чшобъ погибнуть въ безднѣ нищеты....

Спустя шесть мѣсяцевъ, Дервиль, не слыша о Полковникѣ и о Графинѣ Ферранъ, думалъ, что они разошлись полюбовно, и что Графиня изъ мести велѣла заготовить сдѣлку въ другой конторѣ. И такъ, однажды упромъ, сосчитавши, сколько выдано имъ денегъ называвшемуся Графомъ Шаберомъ, и сколько испрачено на полученіе актовъ изъ Германіи, написалъ вѣжливое письмо къ его женѣ съ просьбою выпребовать отъ Г. Шабера всю издержанную на него сумму....

На другой день онъ получилъ отзвъ отъ прежняго собрата, который, до отправления своего изъ должности управителя Графа Фер-

рапа въ Б. Президентномъ Уголовнаго Суда первой инстанціи, отвѣчалъ слѣдующее:

»Ея Сіятельство Графиня Ферранъ поручила мнѣ уведомить васъ, что кліентъ вашъ совершенно во зло употребилъ вашу къ нему довѣренность, и что назвавшій себя Полковникомъ Графомъ Шаберомъ самъ сознался въ несправедливомъ подлогѣ по извѣстному вамъ дѣлу.

Имѣю честь быти . . . и проч.

Дельбекъ.»

— »Право мы иногда не умѣе скоповъ! . . .« вскричалъ Дервиль. »Будь послѣ этого великодушень, человѣколюбивъ... это дѣло Богъ знаетъ, чего мнѣ стоило.«

По прошествіи года, Дервиль, обыскивая знакомаго Адвоката въ полицейской Канцеляріи, вошелъ въ камеру, когда Президентъ дѣлалъ приговоръ о двухъ-мѣсячномъ арестованіи, за бродяжничество, старика по имени Гіацинта, и объ отсылкѣ затѣмъ въ запасное депо нищихъ. . . приговоръ, который, по исползованію блюстителей полиціи, равнялся вѣчному заключенію.

При имени Гіацинта, Дервиль, посмодрѣвъ на преступника, сидѣвшаго между двухъ жандармовъ на скамейкѣ подсудимыхъ, узналъ своего мнимаго Полковника Шабера.

Старый солдатъ былъ тихъ, неподвиженъ, почти въ помѣшательствѣ, но при всѣхъ рубищахъ и оппечаткѣ крайности на лицѣ его, оно

сіяло благородною гордостью, и взглядъ обличалъ въ немъ философскую твердость, чего, казалось, нельзя бы не проникнуть судьямъ; но въ глазахъ ихъ люди дѣлаются юридическими вопросами, какъ у спанистикова единицами.

Когда Полковникъ опведенъ былъ въ арестантскую для отсылки потомъ по назначенію съ вагагой бродягъ, подлежащихъ еще суду, Дервиль, по праву Адвоката, вышелъ за своимъ знакомцемъ, и нѣсколько времени смотрѣлъ на него; окруженнаго чудными лицами.

Тутъ представлялось зрѣлище, возобновлявшееся ежедневно, но не жосщаемое ни законодателями, ни филантропами, ни Живописцами, ни Императорами. Арестантская, какъ и всѣ лабораторіи каверзъ, была мрачная, смрадная комната, обставленная деревянными скамейками, дочернѣйшими опъ безпрерывнаго сидѣнья несчастныхъ, кои изъ бездны золь сходились рано или поздно на сіе временное свиданіе! . . . Поэтъ сказалъ бы, что свѣтъ спыдился озарять сей ужасный спокъ нечистоты, чрезъ который переправлялось сполько злополучныхъ; здѣсь не было мѣста, гдѣ бы не сидѣло воплощенное преступленіе . . . куда бы не попадался человекъ, обезславленный первымъ наказаніемъ, и не оканчивавшій поприща на эшафотъ . . . всѣ падающіе на улицахъ, спупають здѣсь на ноги . . . Одинъ видъ закопѣлыхъ спѣнь объявлялъ уже причины многочисленныхъ самоубійствъ; словомъ, опъ комната еспъ, такъ сказала, вспущде-

ніе къ площадямъ казни или выставкѣ убоженниковъ.

Полковникъ Шаберъ сидѣлъ въ кругу людей, съ рѣзкими фizioноміями, одѣтыхъ въ ужасную ливрею нищенства, по молчавшихъ, по разговаривавшихъ попохоньку, попому, что мимо ихъ расхаживали часовые, побрякивая объ полѣ псаками.

— »Узнаете ли вы меня?« спросилъ Дервиль, подойдя къ нему.

— »Да, милоспивый государь!« отвѣчалъ Шаберъ, поднявшись.

— »Если вы человекъ честный,« продолжалъ Дервиль тихимъ голосомъ: »то какъ могли оспапьясь въ долгу у меня?..«

Полковникъ покраснѣлъ, подобно молодой дѣвушкѣ, обвиняемой матерью въ тайной любви...

— »Какъ! Г-жа Ферранъ вамъ не заплашила?..« вскричалъ онъ.

— »Заплашила!..« она писала ко мнѣ, что вы лжець...

Полковникъ поднялъ глаза, какъ бы призывая небо, съ возвышеннымъ чувствомъ ужаса, опчаянія и упрека.

— »Милоспивый государь!« сказалъ онъ спокойно, пересиливъ душевное волненіе: »выпросите мнѣ у жандармовъ позволеніе выйпн въ Канцелярію; я вамъ дамъ бумагу, по которой вы будете удовлетворены.«

Дервилью стоило сказать одно слово, чтобъ вывести своего кліента въ Канцелярію. Гіацинпъ

написалъ нѣсколько спрочекъ, и запечаталъ записку, адресовавъ на имя Графини Ферранъ.

— »Опошлите это, и съ вами расплачтѣся... Повѣрьте,« прибавилъ онъ послѣ минушнаго молчанія: »если я не засвидѣтельствовалъ вамъ должной признательности за ваше доброе участіе и расположеніе, то тѣмъ не менѣе ее чувствую.«

Спарикъ положилъ руку на сердце. — »Благодарность пусть... во всей полнотѣ и силѣ... Но чѣмъ несчастные могутъ доказать ее?«

— »Неужто,« спросилъ Дервиль: »вы ничего не выговорили въ свою пользу?«

— »Ахъ, не напоминайте мнѣ!« отвѣчалъ Полковникъ; »жели бъ вы знали все презрѣніе мое къ жизни, которою такъ дорожитъ большая часть людей!... Когда подумаю, что Наполеонъ на островѣ Елены, а я скипаюсь по Парижу, возвеличенному имъ, и не могу быть солдапомъ.... вопъ мое несчастіе!...«

Полковникъ пошелъ на свою скамейку. Дервиль удалился. Попомъ послалъ Шаберово письмо къ Графинѣ Ферранъ, которая, прочитавъ его, немедленно уплатила весь долгъ Дервилю.

Въ половинѣ Іюля 1830 года шелъ я за городъ съ однимъ Адвокатомъ. При входѣ въ аллею, ведущую на большую дорогу къ дому призрѣнія убогихъ, увидѣли мы подъ вязомъ сѣдаго изможденнаго спарика съ фельдмаршальскимъ жезломъ нищихъ.

Сей несчастный одинъ изъ числа 2 п., помѣщавшихся въ домѣ призрѣнія убогихъ, сидя

на пиф, казалось, все свое вниманіе устремлялъ на сунутье передъ солнцемъ замазаннаго выма-бакъ плапка, въроятно для того, чтобъ не мышь его: весьма обыкновенное занятіе между инвалидами.

Физиономія спарика была привлекательна; онъ былъ въ красномъ балахонѣ, какіе вообще даются подобнымъ ему госпнямъ... ливрея, возбуждающая ужасъ!...

— »Посмотри, Дервиль, ...« сказала я повариху... не похожъ ли эпощъ спарикъ на кандитерскую шоколадную фигуру; ... и при всемъ помѣ живешь, даже, можешь быть, считаешь себя счастливымъ!...«

Дервиль, посмотрѣвъ въ лорнетъ, съ видомъ удивленія воскликнулъ:

— »О, эпо цѣлая Поэма!«

Мы пошли скоро.

— »Ты знаешь Графиню Ферранъ?« спросилъ попомъ Дервиль.

— »Да, она очень пріятная, умная дама...«

— »А эпощъ бѣднякъ ея законный мужъ... Графъ Шаберъ, заслуженный Полковникъ... Завладѣвъ принадлежащимъ ему домомъ, безъ сомнѣнія, она помѣстила его сюда за то, что онъ напомнилъ ей иъкопарты ея недостатки и прѣжнее званіе горничной; я былъ свидѣтелемъ, какъ звѣрски она тогда на него глядѣла...«

Дервиль, замѣшивъ мое любопытство, разсказалъ предшествующую повѣсть съ множе-

спивомъ подробностей и искусствомъ, которое для меня было небезполезно.

На обратномъ пути я предложилъ Дервилю зайти къ Полковнику Шаберу....

Мы шли аллеей, и на половинѣ дороги встрѣтили его оплывъ сидящимъ на днѣ. Несчастный, держа въ рукѣ палку, черпалъ ею песокъ.

— »Здравствуйте, Графъ Шаберъ!« сказалъ ему Дервиль.

— »Я просно Гіацинтъ,« отвѣчалъ старикъ, »живу въ седьмой палатѣ подъ No 164...« Онъ посмотрѣлъ на Дервиля съ боязливымъ уныніемъ, съ робостію старика и ребенка.

— »Вы видите осужденнаго на смерть... онъ не женатъ,« проговорилъ Шаберъ послѣ мнущаго молчанія.

— »Жалкій человекъ!« сказалъ Дервиль. »Не хопите ли денегъ на табакъ?«

Полковникъ жадно протянулъ руку со всею искренностію ребенка.

Мы оба дали ему по сто су, и онъ, благодаря насъ безсмысленнымъ взглядомъ, закричалъ:

»Храбрые воины!...« Потомъ выпянулся, прицѣмился въ насъ, и съ улыбкой scomандовавъ: *пали!* описалъ по воздуху фантасмическій арабскъ.

»Онъ опъ раны впалъ въ дѣтство,« сказалъ Дервиль.

— »Кшо въ дѣтство!« возразилъ Шаберъ, обративъ на него взоры.— »О, было время, что онъ не давалъ наступать себѣ на ногу, былъ

человѣкъ глубокомысленный, съ воображеніемъ, а теперь... держитъ постъ по Понедѣльникамъ. Въ 1818. году онъ гулялъ здѣсь же; къ нему подходилъ какой-то офицеръ, коляска его ѣхала поодаль... мы были вдвоемъ... Глядя на него, да я... офицеръ разговаривалъ съ кемъ-то, и увидѣвши старика, сказалъ: онъ вѣрно былъ подъ Росбахомъ; нѣтъ, для этого былъ онъ очень молодъ, и слишкомъ старъ, чтобы быть подъ Іеною, отвѣчалъ я... офицеръ пошелъ своей дорогой, и ужъ больше меня не прогаль...

— »Какая участь! Вышелъ изъ Воспитательнаго Дома, и долженъ умереть въ Домъ призрѣній убогихъ, помогавши Наполеону завоевывать Египетъ и Европу!

Пер. Н. Ш.

